

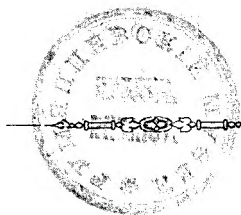
ЕГОРЬ УРВАНЪ
АТАМАНЪ ЗАПОРОЖСКОГО ВОЙСКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ
А. ПАЗУКИНА

ЕГОРЬ УРВАНЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

[Д. Пазухина]

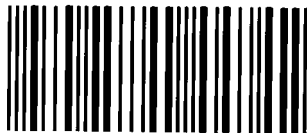

5209-0

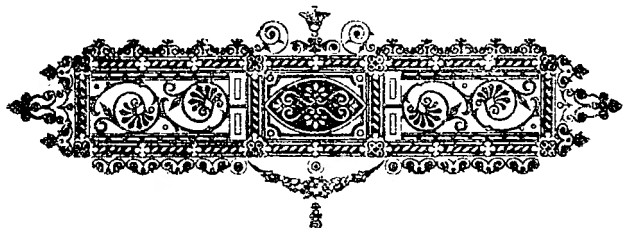
МОСКВА.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., с. д.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 14 октября 1898 года

2007054478

ГЛАВА I.

Возвращеніе на родину.

Быль чудный лѣтній вечеръ. Небо было ясно и почти безоблачно. Только изрѣдка проносились по немъ пестрыя мелкія облачка и неслись какъ бы догоняя другъ друга, но это было на одно мгновеніе, и затѣмъ снова было видно ясное голубое небо. Легкій вѣтерокъ разносилъ ароматы полей и лѣсовъ. Въ полѣ было такъ хорошо, такъ тихо, такъ торжественно, какъ бываетъ на душѣ человѣка въ минуты счастья.

По правому берегу рѣки Днѣпра въ такой чудный вечеръ шли два путешественника. Оба они были очень еще мо-

лоды. Вглядываясь пристально въ ихъ лица, сейчасъ было можно узнать въ нихъ родственное сходство.

Одинъ изъ путешественниковъ былъ высокій, широкоплечій дѣтина лѣтъ двадцати. Темнорусые волосы его вились кольцами и придавали его красивому лицу немало прелести, но особенно были хороши его темнокаріе глаза: много души, много ласки сулили они.

Другой былъ небольшого роста, худенькій, хилый, съ бѣлокурыми волосами, голубыми глазами; лицо его походило скорѣе на хорошенькую дѣвушку, чѣмъ на взрослого парня, и хотя ему уже минуло двадцать-два года, но онъ выглядывалъ совершенно мальчикомъ.

— А скоро, чай, будетъ вечерѣть, вонъ ужъ солнышко клонится къ закату. Поспѣемъ ли мы дойти до ночлега? — обратился юноша съ голубыми глазами къ своему товарищу.

— А что жъ будетъ за бѣда, если и не дойдемъ до деревни? — отозвался другой.

— Да вѣдь нужно же гдѣ-нибудь ночевать, чай, всю ночь нельзя идти безъ отдышки.

— А развѣ въ полѣ ночевать нельзя?— спросилъ широкоплечій парень.

— Въ полѣ? Да въ полѣ, положимъ, можно, только оно-то приходитъ къ концу; видишь, впереди дремучій лѣсъ, вотъ, пожалуй, тутъ-то насъ и застигнетъ ночь, — какъ бы съ испугомъ проговорилъ юноша.

— А ты, Остапъ, ужъ не боишься ли въ лѣсу-то ночевать? Эхъ, ты, баба! Не даромъ тебя наши бурсаки смазливою дѣвкой прозвали,—засмѣялся товарищъ.

— Бояться—не боюсь, а все же лучше ночевать въ деревнѣ, чѣмъ въ лѣсу; вѣдь мы съ тобой съ утра ничего не ѣли, вотъ и чувствуется въ животѣ-то какая-то пустота, теперь бы и наши бурсацкія щи показались слаще свиного борща. Оставь шутки, Егоръ, надо прибавить шагу и во что бы то ни стало добратъся поскорѣе до деревни,—предложилъ Остапъ.

— Это можно. Я бы тоже не отказался теперь выпить кружку добраго мочока: совсѣмъ глотка пересохла. Добратъся бы скорѣе до дому, отвелъ бы я себѣ душеньку послѣ хлѣба-соли бурсацкой, — улыбнулся Егоръ.

— Да, теперь намъ съ мѣсяцъ придется отъѣдаться, чтобы силы молодецкой набратъся. Посмотрить на насъ батко, такъ и ахнетъ: не любить онъ такихъ замореныхъ. А что, Егоръ, поди, matka всѣ глаза просмотрѣла, поджидая насъ, — сказалъ Остапъ, и тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди.

— Извѣстно, ждать не дождется, а ужъ и любить она насъ! Кажись, нѣтъ добрѣе и ласковѣе нашей матушки на всемъ бѣломъ свѣтѣ; душу готова положить за насъ! Дай ей Богъ добраго здоровья на многія лѣта, — задумчиво произнесъ Егоръ, и на глазахъ его блеснули слезы.

— А Маруся-то твоя, поди-ка, ждетъ тебя, чай, и минуты-то всѣ сосчитала, — сказалъ Остапъ.

Егоръ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Вотъ дождемся осени да честнымъ пиркомъ и за свадебку, окрутимъ васъ, а тамъ живите себѣ съ Богомъ да добро наживайте, а мы будемъ, на васъ глядя, радоваться,—продолжалъ Остапъ.

— Нѣтъ, Остапъ, чуетъ мое сердце, что этому не бывать, не позволить мнѣ батько подъ вѣнецъ итти съ Марусей...

— Это почему?

— А потому, что не любить онъ всю ея семью, говоритъ, что весь родъ ихъ поганый. Коли батько узнаетъ, что мила мнѣ Маруся, онъ сейчасъ же найдетъ мнѣ невѣсту и поженитъ меня на посылной; чуетъ мое ретивое, что это будетъ такъ,—отвѣтилъ Егоръ и тяжело вздохнулъ; лицо его приняло грустный видъ.

— Полно, не грусти, все поправится, вѣдь батько только горячъ, а добрая у него душа, не захочетъ онъ погубить тебя,—успокоивалъ Остапъ.

— Мало ты его знаешь, коли такъ говоришь. Ужъ коли батько что сказалъ разъ, такъ никто его не заставитъ измѣнить своего слова. Коли онъ полюбилъ кого, то отдастъ за того человѣка всю душу свою, а коли зло кому захочетъ сдѣлать, то не задумается отомстить такъ, что повѣкъ не забудешь. Батьку Маруси онъ давно считаетъ своимъ врагомъ, онъ слышать не можетъ его имени. Я не разъ спрашивалъ у матушки, почему это такъ, но и она ничего мнѣ на это не объяснила, а сказала, что тутъ кроется какая-то тайна, которую батько никому не выдастъ,— сказалъ Егоръ.

— Ну, коли такъ, то дѣло плохо,—кажись, Маруся и не переживетъ разлуки съ тобой: ужъ больно она тебя крѣпко любить,—отозвался Остапъ.

— Вотъ и теперь, нешто легко ей будетъ: сердце-то у бѣдняжки такъ и будетъ рваться взглянуть на меня, и ни къ намъ притти ни мимо дома пройти не посмѣетъ, жди, когда всѣ сосѣди на по-

кой улягутся, ну, тогда и свидимся только, а потомъ опять Богъ вѣсть когда придется повидаться; вѣдь и за ней матка стала больно шибко слѣдить, знать, догадалась, что любимъ мы другъ друга и что изъ этой любви ничего хорошаго не выйдетъ. Эхъ, на горе великое родила ты меня, матушка, на бѣлый свѣтъ,—съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Егоръ и, махнувъ рукою, зашагалъ быстрѣе.

Молодые путешественники такъ увлеклись задушевымъ разговоромъ, что незамѣтно прошли густой лѣсъ, и глазамъ ихъ предстала большая деревня, въ которой они и порѣшили переночевать.

Солнце давно уже сѣло, и усталыя ноги путешественниковъ требовали отдыха.

Подойдя къ первому дому, Егоръ началъ усердно стучать въ ворота. Крестьяне, утомленные дневною работою, крѣпко спали и нескоро услышали стукъ молодцовъ.

— Кого нужно? — окликнулъ грубый мужской голосъ, приподнявъ оконную раму и высунувъ свою косматую рыжую голову.

— Пустите, добрые люди, переночевать, — ласковымъ голосомъ обратился Остапъ.

— Ишь, окаянные, только сбулгачили всѣхъ! Нешто здѣсь постоялый дворъ, что вы въ полночь ломитесь! — сердито крикнулъ рыжій и захлопнулъ окно.

— Пойдемъ дальше, авось найдемъ добраго человѣка, вѣдь не всѣ же тутъ такіе черти живутъ, какъ этотъ космачъ, — сказалъ Егоръ и пошелъ дальше.

Скоро наши путешественники нашли себѣ пріютъ въ маленькой избушкѣ бобылки Марѣ. Старушка радушно приняла молодцовъ, накормила всѣмъ, что нашлось въ ея убогой хижинѣ, и уложила на душистое, свѣжее сѣно.

ГЛАВА II.

Свиданіе. — Маруся.

Казакъ Грицко Урванъ, несмотря на свои немолодые годы, такъ какъ ему уже прошлою осенью „стукнуло“, какъ выра-

жался онъ, 60 лѣтъ, казался еще совершенно бодрымъ. Его высокій ростъ, широкія плечи, высокая грудь ясно говорили, что человѣкъ этотъ когда-то обладалъ страшною силой. Прекрасные темнокаріе глаза еще не потеряли своего блеска и весело, открыто смотрѣли въ лицо добрыхъ людей. Взглядъ его глазъ былъ до того пронзителенъ, что, казалось, эти глаза видятъ насквозь каждого человѣка и ничто отъ нихъ не укроется.

— Что-то не видать еще нашихъ дорогихъ гостей, Оксана, — обратился Грицко, входя въ свою хату къ женѣ, сидѣвшей у окна съ грустною думой.

— Ужъ не повстрѣчалось ли съ ними чего въ дорогѣ, что-то на сердцѣ у меня сегодня больно тяжело, да и Остапа во снѣ видѣла нехорошо, — отвѣтила Оксана, и крупная слеза скатилась съ ея морщинистой щеки.

— Чего тамъ повстрѣчается съ этими молодцами? Развѣ они не дѣти Грицки Урвана? Развѣ такіе лихачи чего стру-

сятъ? Только вотъ твой Остапъ на дѣвку смахиваетъ, потому изнѣжила ты его больно, а ужъ Егоръ не таковъ, чтобы съ нимъ бѣда какая страстись могла: на медвѣдя пойдетъ, голову свою положить, а живой въ руки не дастся. Весь въ меня, чортовъ сынъ, уродился, — съ довольною улыбкой прибавилъ Грицко.

— А ты съ поля, что ли, на дорогу смотрѣлъ, — полюбопытствовала Оксана, сердце которой горѣло нетерпѣніемъ видѣть своихъ дорогихъ сынковъ.

— Да, выходилъ почти къ самой дороге, съ полчаса времени стоялъ, а все ничего не увидалъ. Ну, теперь кручиниться нечего, рано или поздно, а сегодня должны быть дома, — успокоивалъ Грицко свою жену.

— Вѣдь они ужъ больше въ бурсу не пойдутъ, Грицко? — обратилась старуха.

— Вѣстимо не пойдутъ. Науку, значить, покончили, ума-разума набрались, теперь надо батюшкѣ-царю послужить, итти отечество свое защищать.

— Нужно еще имъ дома маленько пожить, оправиться, силы понабраться, поди, сердечные, изнурились. Ты и взаправду не уведи ихъ у меня, — съ испугомъ сказала Оксана.

— А то какъ же ты думаешь, неужто дамъ имъ на печи сидѣть?—твердо отвѣтилъ Грицко.

Оксана тяжело вздохнула; она знала, что съ мужемъ говорить много нельзя, знала, что если онъ задумалъ что-нибудь, то ужъ на своемъ поставить, а перечить ему—только заводить ссору въ домѣ, поэтому она всегда кончала подобный разговоръ.

Прошло нѣсколько минутъ, и на порогѣ хаты показались знакомые намъ путешественники.

Оксана съ рыданіемъ бросилась обнимать своихъ дѣтей, прижимая къ своей груди то одного, то другого.

— Ну, баба, распустила нюни, дай ты мнѣ хоть оглядѣть-то ихъ,—сказалъ шутливымъ тономъ Грицко, отталкивая же-

ну.—Порядкомъ вы замѣшкались, молодчики, мы васъ съ восходомъ солнышка ждали, — прибавилъ Грицко, обращаясь къ сыновьямъ.

— На ночлегъ долго заспались,—отвѣтилъ Остапъ, обнимая отца.

— Молодцы вы у меня стали, одинъ другого краше, особливо Егоръ, такъ богатыремъ и смотреть! А вотъ этого замореныша ты, matka, откорми хорошенько, тщедушенъ онъ больно, не люблю я такихъ, — прибавилъ Грицко, указывая на Остапа.

— Съ чего ему было силѣ-то набраться, поди, какъ ихъ, сердечныхъ, наукой мучили, а ѣсть-то, чай, давали не вволю, какъ дома, а все впроголодь, ну, вотъ и заморился, сердечный, — говорила сердобольная мать.

Скоро столъ въ хатѣ былъ уставленъ различными яствами, вкусно приготовленными заботливою и любящею матерью.

Оксана, забывъ свои немолодые годы, бѣгала по хатѣ, какъ дѣвочка, усердно угощая своихъ дѣтей.

— Что ты, Егоръ, словно пришелъ не въ родительскій домъ послѣ долгой разлуки, и слова веселаго не промолвишь и улыбкой не порадуешь? — обратился Грицко къ Егору, который сидѣлъ у стола, опустивъ на грудь голову. Видно было, что тяжелая дума запала ему на сердце.

— Такъ, батюшко, это еще съ дороги я оправиться не могу, — тихо отвѣтилъ Егоръ.

Но онъ лгалъ передъ отцомъ, лгалъ первый разъ въ жизни. Скучно ему было оттого, что сердце его рвалось къ той, которая была для него дороже жизни, рвалось оно къ дорогой Марусѣ, которую онъ не могъ увидеть ранѣе поздняго вечера и не смѣлъ даже произнести ея имя въ домъ своего отца.

Маруся была дочь сосѣда Урвана, съ которымъ онъ былъ въ страшной враждѣ уже нѣсколько лѣтъ.

Маруся во всей округѣ считалась первою красавицей. Высокая, статная, съ свѣтлорусою длинною косой, голубыми,

какъ небеса, глазами, она затмевала всѣхъ подругъ своихъ. Много жениховъ сваталось за красавицу Марусю, но отецъ и слышать не хотѣлъ отдавать такъ рано ее замужъ, да и сама Маруся не думала о замужствѣ, немилы ей были женихи богатые, полюбила она Егора Урвана, поклялась любить его одного и осталась вѣрная своей клятвѣ.

Вотъ уже прошелъ цѣлый годъ, какъ молодые люди любили другъ друга.

За годъ до возвращенія своего изъ бурсы на родину, Егоръ Урванъ приходилъ на лѣто домой на каникулы; однажды, собравшись въ праздничный день на гулянки, Егоръ увидалъ Марусю; красота ея поразила молодого бурсака, и его сердце въ первый разъ забилося отъ любви.

Маруся также замѣтила Егора, и онъ сильно приглянулся ей. Его красивое лицо, добрые глаза да курчавые волосы отличали его отъ всѣхъ другихъ парней. И прошло немного времени послѣ ихъ пер-

ваго знакомства, какъ и Маруся любила Егора Урвана.

Какъ мигъ пролетѣло для нихъ лѣто, наступало время отправляться Егору снова въ бурсу. Много слезъ пролила красавица Маруся, чуя близкую разлуку, но Урванъ утѣшалъ ее тѣмъ, что гдѣ бы онъ ни былъ, какая бы даль ни разлучала ихъ, онъ никогда не забудетъ ея.

Маруся знала, что пройдетъ годъ, и Егоръ возвратится изъ бursы уже навсегда; эта мысль нѣсколько утѣшала ее, да къ тому же она такъ вѣрила въ любовь своего избраннаго, что ничто не могло поколебать ея вѣры.

— Ты будешь навѣки моя!—утѣшалъ ее Урванъ, крѣпко обнимая передъ разлукой.

Дологъ годъ разлуки показался Марусѣ, но время идетъ и къ радости и къ печали все впередъ и впередъ, и потому она снова дождалась того, кого такъ горячо любила.

ГЛАВА III.

Тайная встрѣча.—Зловѣщая птица.

Въ полномъ своемъ величіи луна возшла на голубое небо. Маруся съ замираніемъ сердца вышла тихонько изъ своей хаты, когда въ ней всѣ уже спали. Она знала, что Егоръ возвратился домой, знала, что, едва улягутся всѣ сосѣди спать, онъ выйдетъ въ ту завѣтную рощу, въ которой они всегда видѣлись прежде. Не легко было урваться Марусѣ изъ дома, хотя она спала одна въ задней свѣтелкѣ и легко могла выпрыгнуть изъ окна, но все-таки ея сердце тревожно билось. Что будетъ съ ней, если мать хватится?

Этотъ вопросъ страшилъ ее, но любовь къ молодому бурсаку была такъ сильна, что Маруся готова была умереть, лишь бы на одинъ мигъ увидать своего Егора, къ которому цѣлый годъ рвалось ея сердце.

Едва она успѣла войти въ чащу рощи, какъ крѣпкія, сильныя руки сдавили ее въ своихъ объятіяхъ.

— Сердце мое! Солнце мое ясное,— едва могъ выговорить Егоръ, прижимая дѣвушку къ груди своей.

— Знать, сердце не обмануло меня, дорогой мой Егоръ! Знать ты попрежнему любишь меня,—тихо проговорила Маруся, склоняя свою хорошенькую головку на грудь своего возлюбленного.

— Нѣтъ, Маруся, пока сердце бьется въ груди Егора Урвана, оно будетъ принадлежать одной тебѣ, одна смерть заставитъ меня забыть мою голубоглазую Марусю! О, мое сердце, да какъ же горятъ твои ясны очи, еще милѣе, еще краше стала ты! — говорилъ Егоръ, любясь красотой своей Маруси при яркомъ лунномъ свѣтѣ.

— Видѣла я, какъ ты шелъ поутру домой. О, какъ хотѣлось мнѣ увидать тебя скорѣе, яснаго сокола, какъ показался мнѣ этотъ день дологъ, никогда еще въ моей жизни не было такого. Вотъ, наконецъ, дождалась, свидѣлась съ тобой, а пройдетъ часъ-другой, и снова разлука предстоитъ.

Господи, зачѣмъ я, бѣдная, родилась на бѣлый свѣтъ!—и Маруся горько заплакала.

— Не печалься, моя родная, теперь ужъ я навѣки твой, никто не разлучить,—утѣшалъ ее Егоръ.

— Навѣки? Нѣтъ, мое сердце, не видать намъ этого счастья, не благословить тебя батюко со мной подъ вѣнецъ итти; коли узнаетъ онъ про нашу любовь, то быть бѣдѣ великой, ничего тутъ не подѣлаешь,—съ громкимъ рыданіемъ проговорила Маруся, крѣпко прижимаясь къ груди Урвана.

— Я вымолю у батюки благословеніе, я скажу, что жить не могу безъ тебя, а коли и это не поможетъ, тогда увезу тебя. Неужто ты думаешь, что Егоръ Урванъ пропадетъ безъ батюкиной помощи? Нѣтъ, мое сердце, нигдѣ не пропадетъ онъ,—и Егоръ съ довольствомъ махнулъ своими кудрями.

Маруся съ полнымъ довѣріемъ взглянула въ его ясные, ласковые глаза и ей стало такъ хорошо, такъ отраднo.

Прошло уже болѣе двухъ часовъ, какъ вошли они въ завѣтную рощу, но они еще не думали о разлукѣ: такъ хорошо, такъ отрадно имъ было вмѣстѣ. Рѣчи веселыя, сладкія сердцу, такъ и лились изъ устъ влюбленной парочки. Да и мудрено ли было забыть имъ весь окружающій міръ и думать только о своемъ счастіи, о своемъ свиданіи послѣ такой долгой разлуки! Кто любилъ въ жизни горячо, кто испытывалъ всю тяжесть разлуки съ милымъ сердцу, кто съ замираніемъ сердца выходилъ на тайное свиданіе съ возлюбленной, тотъ пойметъ положеніе Егора Урвана и Маруси. О, какъ хотѣли бы они, чтобы время остановило свой быстрый полетъ, какъ хотѣли бы они, чтобы эта ночь длилась долго, долго! Но время не умолимо, оно бѣжитъ своимъ порядкомъ, не щадитъ оно ни убитаго горемъ ни счастливаго смертнаго, знай дѣлаетъ свое: идетъ и идетъ впередъ.

— Ну, что если мамка хватилась меня? О, какъ зорко посмотрѣла она на меня,

когда сосѣдъ утромъ пришелъ и сказалъ батькѣ, что къ Урвану сыновья изъ бурсы пришли! Мамка смотрѣла на меня своими большими глазами, словно хотѣла прочесть, что творится въ моемъ сердцѣ; я почувствовала этотъ взоръ, и мое сердце, словно пташка, забилося, а лицо въ одинъ мигъ какъ маковъ цвѣтъ сдѣлалось. Что, коли она вошла безъ меня въ свѣтелку? Что будетъ тогда со мной? Не оставить меня живую,—съ испугомъ говорила Маруся.

— Полно, мое сердце, зачѣмъ тревожить себя пустыми мечтами. Не бойся, Маруся, теперь твой Егоръ съ тобой, и никто не посмѣетъ причинить тебѣ зла. Ну, и вправду мы долго заболтались и впрямь не хватились бы тебя; иди, моя голубка, а завтра опять здѣсь свидимся,—крѣпко цѣлуя Марусю, проговорилъ Урванъ.

Маруся обвила своими бѣлоснѣжными руками шею своего возлюбленного и, ласково глядя въ его глаза, снова потре-

бовала увѣреній въ любви. Егоръ не скупился на клятвы, и Маруся, покойная, разставшись съ дорогимъ ей человекомъ, почти бѣгомъ бросилась изъ роши. Урванъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Но едва Маруся успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, какъ дико вскрикнула и бросилась назадъ къ Урвану, который едва могъ поддержать ее.

— Что съ тобой, мое сердце, чего ты такъ испугалась? Ты вся дрожишь? — спрашивалъ Урванъ.

— О, какъ страшно, какъ страшно, — шептала Маруся.

— Да скажи же мнѣ скорѣй, что съ тобой, чего ты такъ боишься? — заботливо допытывался Урванъ.

— Вонъ тамъ, у большого дуба, что-то страшное, страшное, — едва могла говорить она.

— Полно, мое сердце, ничего нѣтъ тамъ. Ну, пойдемъ, я провожу тебя, я отнесу тебя на рукахъ, только не бойся, мое сердце.

— Нѣтъ, боюсь, боюсь! Иди, посмотри, что тамъ,—дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорила Маруся.

Урванъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы осмотрѣть то мѣсто, которое указывала Маруся; но едва онъ успѣлъ подойти къ дубу, какъ что-то огромное съ шумомъ и страшнымъ хлопаньемъ приподнялось съ земли и стало кружиться почти надъ его головой.

Урванъ ничего не боялся въ жизни, а потому совершенно спокойно сталъ разсматривать, что это такое могло быть.

— Ну, вотъ видишь ли, радость моя, правду я говорилъ тебѣ, что ничего не могло быть серьезнаго. Сначала я самъ не могъ понять, что это было за дикое хлопанье, но, увидавъ, что это не что другое, какъ сова, даже расхохотался. И могла же эта глупая птица такъ испугать тебя,—проговорилъ Егоръ, приближаясь къ Марусѣ, которая еще все дрожала какъ въ лихорадкѣ.

— Сова?!—испуганно крикнула она, и

горькія слезы ручьемъ полились изъ ея прекрасныхъ глазъ.

— Маруся, Маруся, сердце мое, что съ тобою, повѣдай мнѣ?

— Не быть добру! Эта зловѣщая птица явилась на наше свиданье какъ будто вѣстница нашихъ будущихъ мукъ и страданій! О, мой дорогой, мой хорошій, желанный ты мой, отнять тебя у меня,—твердила Маруся, прижимаясь къ груди своего возлюбленнаго.

Много труда было Урвану уговорить Марусю не тревожиться, не вѣрить пустой примѣтѣ, но ничего не могъ сдѣлать, она твердила одно: „Не къ добру это! не къ добру это!“

ГЛАВА IV.

Нежданная разлука.—Признаніе.

Теперь, читатель, намъ нужно поближе познакомиться съ казакомъ Грицкой Урваномъ.

Родина Грицки, какъ и всѣхъ казаковъ, была Малороссія. Но откуда же взялись эти казаки и почему они носятъ такое названіе? — спросятъ многіе, которые мало знакомы съ русскою исторіей. Это я вамъ постараюсь объяснить въ самыхъ короткихъ словахъ.

Еще въ то время, когда на матушку Русь нападали татары, многіе русскіе люди стали уходить въ южный край и селились на низовьяхъ Днѣпра. Одни бѣжали туда за тѣмъ, чтобы укрыться отъ злого татарина, который безпощадно грабилъ и билъ все, что попало ему подъ руку, жегъ цѣлыя селенія и уводилъ изъ нихъ въ плѣнъ всѣхъ, оставшихся въ живыхъ. Другіе бѣжали просто ради удалства, или думая найти какое-то необыкновенное богатство, неизвѣстно кѣмъ для него приготовленное. Третьи бѣжали для того, чтобы тайно мстить врагамъ Россіи и избавить ее отъ татаръ и турокъ, которые грабили ихъ родину. Поселившись на низовьяхъ Днѣпра, эти от-

важные бѣглецы никому не подчинялись, не привязывались къ своей землѣ, а переходили съ мѣста на мѣсто; жизнь ихъ была самая беззаботная; принимали они къ себѣ всѣхъ, кто только пожелаетъ къ нимъ присоединиться, не спрашивая, кто былъ пришлецъ и откуда онъ; до этого имъ не было никакого дѣла.

— Коли хочешь жить съ нами и промышлять войною и набѣгами, то живи, съ охотой мы тебя принимаемъ, — говорили они каждому новичку-пришлецу.

Число такихъ людей быстро стало умножаться. Они называли себя *казаками*, т. е. *вольными людьми*, а землю свою — Мало-россіей.

Но недолго пришлось имъ блаженствовать. Хитрые поляки сначала ласками, а потомъ различными притѣсненіями стали ихъ прибирать въ свои руки, землю казаковъ отняли польскіе паны, а самихъ казаковъ стали забирать къ себѣ въ услуженіе. Кромѣ этого, польскій король захотѣлъ всѣхъ казаковъ привести въ ка-

толическую вѣру, но этого сдѣлать ему не удалось. Казаки крѣпко стояли за свою вѣру, и поэтому между поляками и казаками начались страшныя войны. Такъ прошелъ не одинъ десятокъ лѣтъ, наконецъ, казаки, измученные набѣгами и различными злодѣйствами со стороны поляковъ, принуждены были просить помощи у московскаго царя Алексѣя Михайловича, который, собравъ совѣтъ, порѣшилъ взять казаковъ подъ свою защиту. Поляки, узнавъ объ этомъ, страшно озлобились и объявили войну, которая тянулась нѣсколько лѣтъ и кончилась тѣмъ, что Малороссію раздѣлили пополамъ, то есть одна половина осталась за Россіей, а другая отошла къ Польшѣ. Но поляки не переставали своими набѣгами тревожить казаковъ. Такъ это продолжалось немалое время, пока императоръ Николай I не завоевалъ Польшу.

Въ такое-то смутное время и жилъ въ Малороссіи Грицко Урванъ, уже старикъ, но настолько еще бодрый и сильный,

что не хотѣлъ сидѣть сложа руки въ своей хатѣ, въ то время, какъ его собратьевъ такъ сильно притѣсняли поляки.

— Ну, Оксана, только бы дождаться мнѣ своихъ удалцовъ, то' сейчасъ же сяду на коня и пущусь съ ними врага бить, — говорилъ Грицко, обращаясь къ своей женѣ.

И дѣйствительно, не прошло и недѣли съ того дня, какъ Егоръ и Остапъ вошли подъ родительскую кровлю, а уже Грицко объявилъ сыновьямъ, что они должны отправляться на войну.

— Побойся ты Бога, Грицко, не даль ты имъ и отдохнуть порядкомъ отъ трудовъ своихъ, а снова тянешь на такую трудную службу. Не даль ты мнѣ и полюбоваться на моихъ ясныхъ соколовъ, — со слезами на глазахъ говорила Оксана, оглядывая дѣтей своихъ.

— Нече имъ баловаться здѣсь, не для чего на печи сидѣть, коли враги одолеваютъ насъ и хотятъ поколебать вѣру христіанскую; не будутъ они сынами мнѣ,

коли не пойдуть съ охотою на поле брани за вѣру и дорогое отечество,—произнесъ Грицко.

Бурсаки молча переглянулись, а Егоръ тяжело вздохнулъ, словно тяжелыми щипцами сдавило ему грудь отъ этихъ словъ.

„Что будетъ съ Марусей?“ мелькнуло у него въ головѣ, и онъ рѣшился во всемъ признаться отцу.

— Ну, молодцы, нехорошо вамъ ходить теперь въ своихъ долгополыхъ кафтаныхъ, пора ихъ долой бросать; приготовилъ я вамъ платье казацкое. То-то молодцомъ ты будешь въ немъ, Егорка, лихой изъ тебя казакъ выйдетъ, уберешь не одного поляка! А ужъ коней какихъ подарю, такъ во всей Малороссіи лучше не найти,—говорилъ Грицко, подзадоривая къ новой службѣ своихъ сыновей.

Оксана сидѣла въ углу и горько плакала.

— Оставь мнѣ хоть Остапа,—умоляющимъ голосомъ обратилась она къ мужу.

— Ха-ха-ха! Вишь что придумала! Захотѣла, чтобы экой молодецъ да у бабьей

юбки сидѣлъ, — со смѣхомъ отвѣтилъ Грицко.

— Ну, а коли ихъ убьютъ у меня об-ихъ, вѣдь не пережить мнѣ такого го-ря, — и Оксана залилась горькими сле-зами.

Остатъ всталъ съ лавки и, подойдя къ матери, горячо обнялъ ее, и, казалось, съ его загорѣлой щеки скатилась не одна слеза.

— Что же ты не промолвишь ни од-ного слова, али и впрямь не хочется на войну итти? — спросилъ Грицко, обраща-ясь къ Егору.

— На то твоя родительская воля, бать-ко: что велишь, то и будемъ дѣлать, — какъ-то грустно отвѣтилъ Егоръ.

— Воля-то моя, извѣстно, есть надъ вами, а развѣ у тебя нѣтъ своей охоты итти защищать свою вѣру православную? — грозно спросилъ старикъ.

— Какой же я буду послѣ этого ка-закъ, коли не охотой пойду на врага сво-его, — отвѣтилъ Егоръ.

— Чего жъ ты вѣшаешь голову?

— Такъ, батъко, что-то взгрустнулось маленько, вотъ и матку покинуть жалко, а и...— Егоръ не договорилъ и остановился; лицо его вспыхнуло яркою краской, что не укрылось отъ зоркаго глаза Грицки.

— Что же ты говоришь, да не договариваешь, что у тебя языкъ-то заплетается! На твоей душѣ что-то кроется, не таись отъ батъки, говори все прямо.

Егоръ быстро вскочилъ съ лавки и упалъ къ ногамъ отца.

— Батъко, родимый, не погуби!—едва могъ онъ выговорить.

— Да ты никакъ ошалѣлъ, парень!—крикнулъ отецъ.

— Дозволь батъко жениться!—умоляющимъ голосомъ прибавилъ Егоръ.

— Ха-ха-ха! Вотъ еще что выдумалъ! Не успѣло на губахъ материно молоко обсохнуть, а онъ ужъ и объ женитьбѣ помышляетъ; да ты, парень, никакъ совсѣмъ въ бурсѣ-то ошалѣлъ!—и Грицко разразился громкимъ смѣхомъ.

— Батько, родной, позволь мнѣ тебѣ всю свою душу отереть. Только обѣщай прежде, что ты не проклянешь меня, что ты выслушаешь и твердо перенесешь все, что услышишь,—продолжалъ Егоръ, стоя на колѣняхъ передъ отцомъ.

— Да говори, бисовъ сынъ; мнѣ сдается, что ты и взаправду съ ума спятилъ!

— Батько, я люблю одну дѣвушку больше свѣта блага, люблю ее ужъ больше году, жить безъ нея не могу. Дозволь мнѣ жениться на ней, и тогда я первый пойду бить враговъ!

— Эхъ, какъ тебя приворожила какая-то кралечка. Да скажи же, кто она такая, стоитъ ли изъ-за нея на колѣняхъ у батьки милости просить?—шутливо спросилъ Грицко.

— Ты знаешь ее, батько, лучше, чѣмъ я. Неужели ты захочешь погубить насъ во цвѣтѣ лѣтъ?

— Я знаю? Ну, хоть убей, ничего въ толкъ не возьму; да будетъ тебѣ дурака играть, говори скорѣй, кто она, или я

пошлю тебя ко всѣмъ чертямъ, — уже сердитымъ тономъ прибавилъ Грицко.

— Акима Шпака дочка Маруся, — какъ-то тихо, сдержанно едва могъ проговорить Егоръ.

Лицо Грицки вдругъ передернуло, глаза страшно заблестали, онъ сжалъ какъ-то судорожно кулаки и вскочилъ съ лавки.

— И ты смѣлъ произнести, бисовъ сынъ, это позорное имя при мнѣ! Да ты какъ смѣлъ подумать, чтобы Грицко Урванъ рѣшился породниться съ этой собакой! Да если ты еще разъ произнесешь при мнѣ это имя, я задушю тебя своими руками! — кричалъ отецъ.

Оксана, дрожа отъ страха, молча смотрѣла на эту сцену. Она такъ хорошо знала своего мужа, что понимала каждую малѣйшую переменну его лица. Она видѣла теперь, что невозможно проронить ни одного слова въ защиту сына, чтобы окончательно не озлобить старика. Оксана знала про любовь своего сына къ Марусѣ, знала, что отецъ никогда не

дать согласія на этотъ ненавистный ему бракъ. Не разъ она, оставшись наединѣ съ сыномъ, упрашивала его покинуть эту завѣтную мечту, забыть ее, но Егоръ не могъ исполнить просьбы матери, — онъ слишкомъ горячо любилъ свою Марусю.

Егоръ, взглянувъ на отца, понялъ, что болѣе говорить съ нимъ нельзя, онъ тихо всталъ, отошелъ въ уголъ хаты, опустилъ голову на грудь; лицо его было блѣдно, какъ полотно. Въ хатѣ было нѣсколько минутъ совершенно тихо; казалось, Оксана и Остапъ старались удерживать свое дыханіе, чтобы не помѣшать Грицкѣ, который, опершись рукой на столъ, сурово смотрѣлъ на Егора.

— Клянись мнѣ, что ты выкинешь всякую думу изъ головы объ этой дѣвкѣ, — сказалъ Грицко, послѣ нѣкотораго молчанія обращаясь къ сыну.

Тотъ тихо приподнялъ голову и, поднявъ свои глаза на отца, тихо, но твердо произнесъ:

— Нѣтъ, батъко, я не въ силахъ этого сдѣлать, да и ты не захочешь, чтобы твой сынъ былъ клятвопреступникъ: я уже далъ клятву Марусѣ вѣкъ ее любить. Убей меня, если тебѣ такъ противна эта любовь. Я умру отъ твоей руки, но не измѣню своей клятвѣ.— Егоръ подошелъ къ столу, у котораго сидѣлъ Грицко.

— А кто позволилъ тебѣ давать эту клятву? Какъ ты смѣлъ безъ воли родителя выбирать себѣ невѣсту? Видно еще не знаешь ты, каковъ твой батъко, ну, такъ скоро узнаешь!—какимъ-то задыхающимся голосомъ сказалъ Грицко.

— Я чувствую свою вину передъ тобой, батъко, а потому съ охотой отдаюсь въ твою волю, дѣлай изъ меня, что знаешь, я не промолвлю ни единого слова, все снесу, все стерплю. Ты хочешь знать, кто позволилъ мнѣ давать клятву Марусѣ, на это я тебѣ отвѣчу, что позволило мнѣ это мое сердце, которое далъ мнѣ Богъ и которое кромѣ Его да меня никому не подвластно.

— Молчи, бисовъ сынъ; вишь, научился какъ языкомъ-то чесать. Иди отсюда вонъ, а на утро собирайтесь оба въ походъ; чѣмъ свѣтъ должны выѣхать, чтобы къ восходу солнца были лошади заѣдланы,—отдалъ приказъ Грицко.

Егоръ молча вышелъ изъ хаты.

ГЛАВА V.

Проводы. Страшная вѣсть.

На дворъ было совершенно темно, когда Егоръ послѣ этого разговора вышелъ на улицу, гдѣ не было видно ни одной живой души. Онъ медленными шагами подошелъ къ завѣтной рощѣ и тихо свистнулъ три раза; прошло нѣсколько минутъ, какъ Егору послышался шелестъ; догадываясь, что это идетъ Маруся, онъ поспѣшилъ къ ней навстрѣчу.

— Я давно ужъ жду тебя, мое сердце,—проговорила тихо Маруся, протягивая Егору руку.

Егоръ обвилъ ея станъ своею могучею рукой, и они вошли въ чашу рощи.

— Что съ тобой? Ты молчишь? Твоя голова горитъ какъ огонь? О, не мучь меня, скажи, что случилось, вѣрь, что у меня хватитъ мужества все перенести терпѣливо! — упрашивала Маруся.

— Я сказалъ батькѣ, что люблю тебя, — отвѣтилъ Егоръ.

Какъ ужаленная отскочила отъ него Маруся.

— Что ты сдѣлалъ, зачѣмъ ты погубилъ меня? — сквозь слезы проговорила пораженная Маруся.

— Не бойся, мое сердце, ничего изъ этого худого не будетъ. Хоть батько и осерчалъ, а все же видитъ, что я правъ, что ничего не сможетъ сдѣлать со мной, — успокоивалъ ее Егоръ.

— Что жъ, онъ, вѣрно, теперь прогналъ тебя съ глазъ своихъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, онъ почти покойно выслушалъ послѣднія мои слова, я умѣлъ тронуть его за душу. Но вотъ бѣда, я

долженъ тебѣ сказать горькую вѣсть: отецъ требуетъ, чтобы мы шли съ нимъ на войну. Не печалься, не кручинься, мое сердце, скоро я вернусь къ тебѣ, и ты будешь моею навѣки, — сказалъ Егоръ и горячо обнялъ свою милую.

Но Маруся не слыхала его послѣднихъ словъ: силы и память оставили ее, она тихо склонилась на траву и почти безъ признаковъ жизни лежала на землѣ. Егоръ своими горячими поцѣлуями старался привести ее въ чувство, но все было напрасно.

Прошло болѣе часу, и Егоръ начиналъ приходить въ ужасъ. Что будетъ съ Марусей, если она не очнется до утра? Придетъ народъ, найдутъ ее въ рощѣ, пойдутъ толки, догадки, и тайна ихъ будетъ открыта.

— Гдѣ я? что со мной? зачѣмъ вы отняли у меня жизнь мою, сердце мое! — наконецъ, какъ бы въ бреду, прошептала Маруся.

Егоръ бросился къ колодцу, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рощи,

вытащилъ воды и, отвязавъ бадью, при-
тащилъ въ рощу. Онъ уговорилъ Марусю,
которая мало-по-малу начинала приходить
въ себя, выпить нѣсколько глотковъ воды,
затѣмъ приподнялъ ее съ земли, и свѣжій
ночной воздухъ скоро привелъ ее въ чув-
ство.

Немало труда было для Егора угово-
рить Марусю смириться съ этой страшной
для нея новостью; онъ употребилъ все
свое краснорѣчіе, онъ доказывалъ спра-
ведливость требованія отца, говорилъ, что
долгъ честнаго казака требуетъ забыть
все и идти защищать свою вѣру.

— Да благословитъ тебя Господь на
доброе дѣло, — проговорила Маруся и
крѣпко прижала его къ своей груди, обли-
ваясь горячими слезами.

— Маруся, сердце мое, ты такъ горю-
ешь, словно на смерть меня провожаешь;
вѣдь скоро я вернусь къ тебѣ, вернусь
со славой, съ побѣдой, какъ подобаетъ
честному казаку!

— А ты забылъ ту зловѣщую птицу?

— Полно тебѣ пустяками свою голову ломать, все это бабьи присказки, всѣ птицы у Бога равны, — утѣшалъ ее Егоръ.

— Дай Богъ, чтобы было по-твоему; но только знай, что коли не вернешься ты живымъ, то и я не жилища безъ тебя на бѣломъ свѣтѣ, — и Маруся снова горько зарыдала.

За рошей показался огонекъ, Егоръ невольно вздрогнулъ и, притаивъ дыханіе, сталъ прислушиваться, но не было слышно ни говора ни шелеста: все было тихо. „Знать какой-нибудь прохожій“, подумалъ Егоръ и сталъ успокаивать встревоженную Марусю.

Время шло, минута ихъ разлуки приближалась. Бѣдная Маруся! какія страшныя мученія испытывала она, словно какой-то тайный голосъ нашептывалъ ей, что не видать ей больше дорогого сердцу Егора.

Съ восходомъ солнца уже Грицко вышелъ изъ хаты посмотреть на осѣдланыхъ лошадей.

— Скажи молодцамъ, чтобы одѣвали свои новые кафтаны, привязывали сабли и выходили на коней садиться,—сказалъ Грицко женѣ.

Обливаясь горькими слезами, вышла Оксана въ сѣнницу, гдѣ спали сыновья, и объявила имъ приказаніе отца. Молодцы не заставили долго ждать себя, въ одинъ мигъ они преобразились изъ бурсаковъ въ лихихъ казаковъ.

— Чѣмъ я не казакъ, матуся?—обратился Егоръ съ веселою улыбкой къ матери.

Онъ улыбался, хотя на душѣ у него и было темно какъ въ могилѣ; но, желая ее ободрить, онъ и виду не показывалъ, какъ грустно ему было разставаться съ родной хатой.

Оксана съ рыданіемъ бросилась на грудь своего любимца Остапа и долго, долго цѣловала его.

— Не кручинься, родная: не на смерть идемъ, а на славу; коли любишь да жалѣешь насъ, такъ не будешь печалиться да убивать себя, побережешь свое здоровье для своихъ дѣтокъ. Ну, теперь

благослови, родная, — сказалъ Остапъ, становясь на колѣни предъ матерью; слезы душили его, и онъ уже не могъ выговорить ни слова.

Оксана, снявъ съ образницы образъ Пресвятой Богородицы, съ благоговѣніемъ перекрестила сына и снова съ рыданіемъ упала на его грудь.

— Будетъ тебѣ, матушка! Эхъ вѣдь не малыя дѣтки, въ обиду не дадимся. Ну, прощай, родная, вотъ къ тебѣ моя просьба: коли любишь своего сына, то исполнишь ее, — побереги мою Марусю, на твои руки оставляю ее, люби ее какъ родную дочь; живъ буду, заслужу за твои ласки и за любовь твою, — говорилъ Егоръ, обнимая старуху.

— Ну, долго ли вы тутъ будете съ бабой ласы разводить, бисовы дѣти? — крикнулъ Грицко.

Егоръ и Остапъ быстро вышли.

Грицко осмотрѣлъ съ ногъ до головы своихъ молодцовъ и, повидимому, остался доволенъ.

Осѣдланные кони нетерпѣливо ржали и били о землю копытами. Молодцы ловко вскочили на сѣдла, забрали въ руки поводья и быстро утомили нетерпѣливыхъ коней.

Оксана съ горькимъ рыданіемъ подходила то къ Егору, то къ Остапу, цѣлуя то ихъ самихъ, то руки, то ноги. Рыданія ея были ужасны.

— Эхъ, надоѣла эта баба своими сто-нами! Ну, чего ты, бисова дочь, вопишь? Ты бы радовалась, дура, что такихъ молодыхъ на службу царю отдаешь! — говорилъ Грицко, обращаясь къ женѣ.

Но Оксана, казалось, не слыхала его словъ: она не могла притти въ себя отъ страшнаго горя, которое сжимало ея бѣдное сердце.

Грицко тронулъ своего коня, и онъ пошелъ гордой поступью; за нимъ послѣдовали Егоръ и Остапъ.

Оксана порывисто бросилась впередъ и, ухватившись за стремя Остапа, будто хотѣла остановить сильнаго коня. Лицо ея

выражало такое страшное страданіе, казалось, она молила Небо оставить ей то, что было для нея дороже жизни. Работникъ Урвана быстро схватилъ Оксану, упавшую безъ памяти, и на рукахъ внесъ въ хату.

Скоро по дорогѣ, ведущей отъ хаты въ поле, показалась густая пыль, которая и скрыла нашихъ путешественниковъ.

ГЛАВА VI.

Акимъ Шпакъ.

Человѣка, котораго такъ сильно ненавидѣлъ Грицко, звали Акимъ Шпакъ.

Акимъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Грицко. Въ молодости они были большими друзьями, но вдругъ лѣтъ пять тому назадъ, словно какая черная кошка пробѣжала между Грицкой и Акимомъ, хотя послѣдній и самъ не могъ объяснить причины ненависти къ себѣ со стороны Грицко.

Не разъ сосѣди пытались допросить Грицко, что между ними повстрѣчалось; но никто не могъ ничего добиться, даже Оксана — и та не могла упросить мужа открыть и повѣдать ей эту тайну.

Акимъ Шпакъ былъ очень смирный и кроткій человекъ; онъ никогда не давалъ никому повода къ ссорѣ съ нимъ; тѣмъ болѣе удивляла односельчанъ неожиданная ненависть Грицки къ своему старому пріятелю.

Было это нѣсколько лѣтъ тому назадъ; на дворѣ стояла глухая, ненастная осень. Поляки въ ту пору сильно бунтовали и повсюду разоряли казацкія станицы, забирали женъ и дочерей казаковъ и страшно позорили ихъ. Эти набѣги поляковъ просто не давали житья несчастнымъ казакамъ, которымъ приходилось постоянно быть насторожѣ. Всякій только того и ждалъ, что вотъ сейчасъ ворвется шайка поляковъ и разорить у добраго казака-хозяина все, что онъ имѣетъ, сожжетъ его хату, опозорить жену и дочь и вдобавокъ его самого возьметъ къ себѣ въ крѣпостничество.

Въ одну изъ глухихъ осеннихъ ночей не спалось Грицѣ Урвану отъ тяжелыхъ думъ, которыя навѣяли на него своими разбоями поляки. Вышелъ онъ изъ хаты и пошелъ бродить по станицѣ.

Вдругъ онъ услышалъ невдалекѣ отъ себя нѣсколько голосовъ, говорившихъ вполголоса. Грицко сейчасъ смекнулъ, что въ станицѣ творится что-то недоброе. Онъ тихо, неслышно, какъ котъ крадется за своею добычей, подошелъ къ той сторонѣ, откуда доносились звуки голосовъ и, спрятавшись за уголъ небольшой хаты, сталъ прислушиваться къ говорящимъ.

Тьма была страшная, лицъ разглядѣть было нельзя; но по голосу можно было скоро узнать, что говорящіе были поляки.

— Сколько же ты потребуешь за свою услугу? — спрашивалъ одинъ польскій голосъ, обращаясь къ стоявшему около него рослому мужчине.

— Я знаю, что панъ Янкевичъ не обидитъ казака за его услугу, — отвѣтилъ тотъ, къ которому обращался полякъ.

— Спасибо за довѣріе; кажись, не первый разъ намъ приходится имѣть съ тобою дѣло. Значить, завтра, въ такую же пору, мы приступимъ къ дѣлу. Теперь слушай, что я отъ тебя буду требовать: лишь только наступить темная ночь, ты долженъ будешь поджечь станицу, а когда пламя достаточно охватитъ избы, мы набросимся на станицу и будемъ дѣлать свое дѣло. Такъ что ли?

— Такъ, — отвѣтилъ тотъ, отъ кого ожидалъ панъ отвѣта.

— Смотри, Шпакъ, чтобы было вѣрно, иначе тебѣ будетъ такая смерть, что и самъ сатана не придумаетъ мученій, какія придумаетъ для тебя панъ Янковичъ.

— Казакъ Акимъ Шпакъ никогда не лжетъ, — былъ отвѣтъ.

Грицко уже болѣе не сомнѣвался, что это былъ его сосѣдъ. Волосы встали дыбомъ отъ ужаса и злобы у Грицки Урвана. Казакъ, котораго вся станица считала честнымъ человѣкомъ, теперь — предатель. Велика была злоба въ сердцѣ Грицки

въ эту минуту, онъ былъ готовъ тутъ же на мѣстѣ растерзать преступнаго предателя; но, видя его, окруженнаго нѣсколькими поляками, Грицко понялъ, что онъ будетъ одинъ безсиленъ и рѣшился выждать болѣе удобнаго случая, чтобы отмстить Шпаку за его предательство.

Долго еще вели поляки разговоръ съ Акимомъ по этому поводу, наконецъ, распрощившись, они разстались. Акимъ, ничего не подозрѣвая, пошелъ совершенно спокойно домой; но Грицко не упускалъ его изъ виду, тихо слѣдя за нимъ. Оставалось уже нѣсколько шаговъ до хаты Акима, гдѣ онъ рассчитывалъ спокойно отдохнуть послѣ своего ночного путешествія, какъ вдругъ чья-то могучая рука схватила его такъ сильно за горло, что Шпакъ не могъ произнести ни одного звука.

— Околѣвай, какъ негодная собака, предатель! — крикнулъ неистово Грицко, бросаясь, какъ хищный звѣрь, на Шпака.

Все стихло. Грицко Урванъ отправился домой. Страшную злобу выражало его лицо, когда онъ вошелъ въ свою хату.

Съ наступленіемъ утра казаки наткнулись на лежащаго на улицѣ близъ хаты Акима и долго въ недоумѣніи стояли надъ нимъ, разгадывая, что могло повстрѣчаться съ добрымъ казакомъ, какъ они его называли.

— Онъ живъ еще! — крикнулъ одинъ изъ казаковъ, осматривавшихъ Акима.

— Ну, чего ты брешешь! Неужто не видишь, что человѣкъ уже совсѣмъ поси-
нѣлъ. Подымайте его, ребята, да нужно въ хату оттащить, а потомъ честнымъ порядкомъ землѣ предать, — отозвался другой.

— Гдѣ это видано, чтобы живыхъ людей въ могилу зарывали! Полѣзай самъ, коли у тебя есть охота. Говорятъ тебѣ, что Шпакъ живъ, нужно ему скорѣе по-
дать помощь, кровь нужно пустить; его просто зашибло, — снова продолжалъ пер-
вый казакъ, рослый, молодой парень.

Нѣсколько казаковъ взяли на руки безчувственнаго Шпака и внесли въ хату, гдѣ съ помощью его жены стали приводить его въ сознаніе. Скоро имъ удалось это, и Акимъ очнулся, но на разспросы, что съ нимъ случилось, онъ упорно молчалъ и никакъ не хотѣлъ открыть тайны.

Вотъ съ этого-то самого времени и закралась страшная злоба въ душу Грицки противъ своего сосѣда; онъ видѣлъ въ немъ предателя и старался всячески отомстить ему.

Послѣ всего этого не трудно понять, почему Грицко не хотѣлъ допустить брака своего сына съ Марусей.

ГЛАВА VII.

Стычка съ поляками.

Дорога, которой ѣхали наши казаки, была прекрасна. Грицко былъ все время страшно взволнованъ и угрюмъ. Егоръ былъ такъ сильно занятъ своей думой о Марусѣ, что даже не замѣчалъ, гдѣ и куда

онъ ѣдетъ. Начинало уже вечерѣть; вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ путешественниковъ пробѣжало нѣсколько казаковъ, тащившихъ кого-то, какъ могъ замѣтить Грицко.

— Сюда, сюда тащите его, разбойника! — кричалъ рослый, широкоплечій казакъ. Двое подвели къ нему какого-то невзрачнаго человѣчка.

— Ты кто таковъ? — спросилъ его широкоплечій казакъ.

— Слуга пана Хоткевича, — отвѣтилъ тотъ.

— За кѣмъ ты сейчасъ гнался?

— Этого я не могу сказать, да и какое вамъ дѣло? — дерзко отвѣтилъ онъ.

— Сейчасъ говори, собачій сынъ, или я сорву съ тебя твою поганую голову! — горячился казакъ, и такъ сильно сдавилъ въ своихъ могучихъ рукахъ плюгаваго поляка, что тотъ страшно закричалъ своимъ пискливымъ голосомъ.

— Ну, теперь скажешь? — обратился къ нему съ усмѣшкой казакъ.

— Скажу, все скажу, только не дави ты меня такъ сильно, — умаливалъ полякъ.

— Что жъ ты думаешь, что я тебя совсемъ выпущу изъ своихъ рукъ? Нѣтъ, шалишь! говори сію минуту!

— Мнѣ отданъ приказъ отъ пана доставить къ нему одну хорошенькую казачку; вотъ я добрался кое-какъ до ея хаты и, выслѣдивъ, когда она вышла изъ дому къ колодцу за водой, хотѣлъ схватить ее; но дѣвка оказалась больно ловка, словно векша юркнула отъ меня и бросилась въ лѣсъ; я пустился за ней въ погоню, но вотъ, какъ видите, угодилъ въ ваши руки. Зналъ бы, что такъ случится, не сталъ бы гоняться за казачкой.

Рослый казакъ схватилъ за тщедушныя плечи поляка и, сильно тряхнувъ его, отбросилъ отъ себя на нѣсколько сажень въ сторону, сказавъ:

— Если ты, собачій сынъ, еще разъ будешь гоняться за нашими дѣвками, то я выберу всѣ твои ребра и переломаю ихъ на мелкія части.

Въ эту самую минуту къ мѣсту, гдѣ происходила эта сцена съ полякомъ, подъѣхали и наши знакомые казаки, то-есть Урванъ съ своими сыновьями.

Переговоривъ съ казаками, Грицко узналъ, что казацкое войско окружило замокъ пана Младановича, который немилосердно обращался съ казаками, за что и заслужилъ себѣ отъ нихъ страшную ненависть и злобу. Уже при одномъ имени Младановича каждый казакъ приходилъ въ неистовство, и всѣ только искали случая отомстить своему врагу.

— Значить, наши пошли на Умань?— спросилъ Грицко.

— Всѣ тамъ. Битва идетъ лихая. Ёдемъ, ребята, помогать товарищамъ. Постоимъ за вѣру православную! — крикнулъ одинъ казакъ.

Всѣ приняли съ радостью это предложеніе, и прошло немного времени, какъ они были уже на коняхъ и быстро неслись по дорогѣ, гдѣ густая пыль скоро скрыла ихъ изъ вида.

Казаки подѣхали къ высокому частоболу, который окружалъ домъ пана Младановича. Польское войско храбро защищало своего пана. Но, не смотря на это, казаки и не думали оставлять своего намѣренія. Надворная постройка, флигеля и конюшни вдругъ разомъ охватило пламя. Кто могъ зажечь все это, никто не могъ понять. Подожгли ли это поляки, не желавшіе дать своего добра въ руки казаковъ, или казаки хотѣли врасплохъ захватить Младановича,—это осталось для всѣхъ неизвѣстнымъ.

Головни летѣли со всѣхъ сторонъ, и пламя пробиралось къ замку пана. Вдругъ въ саду, который былъ раскинутъ передъ домомъ, показалась какая-то тѣнь. Егоръ Урванъ былъ въ эту минуту близъ рѣшетки сада и, замѣтя ее, сталъ внимательно вглядываться и, наконецъ, ему удалось разглядѣть, что это какой-то челоувѣкъ пробирался съ добычей на рукахъ, и, судя по его осторожнымъ движеніямъ, она должна была быть очень цѣнной.

„Вѣроятно, это вытаскиваютъ богатства пана“, подумалъ Егоръ Урванъ и, быстро прыгнувъ съ своего коня, перескочилъ черезъ рѣшетку и скоро очутился лицомъ къ лицу съ тѣмъ человѣкомъ, который осторожно крался по саду.

Быль ли это мужчина или женщина, Егоръ Урванъ разсмотрѣть не могъ, такъ какъ лицо этого человѣка было плотно окутано, да и одежда его была какъ-то перемянана. Внизу виднѣлась женская юбка, а сверху былъ накинутъ мужской плащъ.

— Что за человѣкъ и куда идешь? — спросилъ Урванъ.

— Сердце, хлопче, смилуйся! — тихо, умоляющимъ голосомъ, отвѣтила закутанная фигура.

— Говори, чего тебѣ нужно?

— Я вижу, что ты не злодѣй, руки твои не обогрѣны кровью, у тебя добрая душа. Вѣдь Богъ одинъ и у тебя и у меня... Смилуйся, спаси.

— Да говори ты мнѣ толкомъ, чего тебѣ надо? — снова спросилъ Урванъ.

— Спаси, спаси!

— Кого спасти, тебя, что ли? — обратился Егоръ.

— Нѣтъ, не меня...

— Кого же?

— Панночку, панночку мою дорогую, — умолялъ голосъ.

— Значить, дочь твою?

— Нѣтъ, не мою дочь, а дочь пана Младановича.

— Отъ кого же ее спасти?

— Отъ злодѣевъ, которые убили ея отца.

— Но кто же ты?

— Я? Я мамка панны Жозефины, которую спасти прошу тебя, — отвѣтила женщина.

— Зачѣмъ же ты врешь, что панъ твой убитъ?

— Нѣтъ, я не вру, я сама видѣла его убитаго.

— Видѣла сама? — переспросилъ ее Урванъ.

— Если хочешь, поклянусь тебѣ въ этомъ святою Мадонаю.

Зарево пожара въ эту минуту освѣтило лицо говорящей женщины, и Егоръ Урванъ увидѣлъ, какъ слезы лились изъ ея глазъ.

— Хлопче, хотя вѣра наша разная, но вѣдь Богъ у всѣхъ одинъ, и во имя Его спаси панночку, — снова заговорила женщина и упала передъ нимъ на колѣни.

— Но какъ же я могу спасти твою панночку, гдѣ скрою ее? Ты видишь, что кругомъ стоитъ стража, — сказалъ Егоръ Урванъ.

— Стража не увидитъ.

— А если увидитъ, меня убьютъ какъ собаку, — отвѣтилъ Урванъ.

— Зато велика будетъ награда душѣ твоей! — сказала женщина.

— Ишь ты, лиса какая! А молодая твоя панночка?

— Молода и хороша, какъ майскій розанъ, — отвѣтила старуха.

Егоръ Урванъ глубоко задумался. Вспомнилась ему Маруся, и краска бросилась ему въ лицо.

Быть-можетъ, и эта панночка любить такъ же какого-нибудь молодого поляка, какъ любить меня моя Маруся? Она молода, хороша, ей хочется жить... О, прочь, прочь эти мечты! — какъ бы въ испугѣ почти вскрикнулъ Егоръ.

Женщина молча стояла и слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

— Спасти панночку! спасти дочь лютаго врага, поступить противъ своей братіи, — какой же я буду послѣ этого казакъ! — Нѣтъ... Нѣтъ, этого нельзя, — сорвалось съ устъ его.

Послѣднія слова женщина хорошо слышала и, снова упавъ передъ нимъ на колѣни, съ рыданіемъ обнимала его ноги.

Егоръ Урванъ былъ сильно тронутъ этими слезами.

— Вотъ, чортова баба, какъ льстит-ся, — проговорилъ Егоръ и хотѣлъ итти изъ сада.

— Хлопче, сердце, если тебѣ нужна кровь наша. убей меня, дѣлай со мной

что хочешь, но только спаси, спаси мою панночку! — съ рыданіемъ говорила женщина, удерживая его.

— Пусти! — крикнулъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не уйдешь, ты добрый, ты хорошій, ты не откажешь мнѣ! — кричала она.

Сердце Егора рвалось на части; онъ готовъ былъ спасти панночку, но мысль, что онъ будетъ преступникъ, останавливала его. Онъ снова глубоко задумался и тяжело вздохнулъ. Снова образъ Маруси предсталъ предъ нимъ, онъ какъ будто слышалъ ея голосъ, который молилъ его спасти панночку.

— Гдѣ твоя панночка? — какимъ-то задыхающимся голосомъ спросилъ Егоръ Урванъ.

— Тамъ, тамъ она, моя крошечка, — отвѣтила старуха.

— Веди меня къ ней! — повелительно сказалъ Егоръ.

— Иди за мной! — и проводница повела его въ глубину сада.

Вскорѣ они вышли въ густую липовую аллею, въ углу которой стояла небольшая бесѣдка. Урванъ, въ сопровожденіи женщины, вошелъ въ бесѣдку, но не замѣтилъ въ ней никого.

— Ну, куда же ты привела меня, вѣдь здѣсь никого нѣтъ? — спросилъ Урванъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, хлопче, сердце, приведу къ тебѣ свою панночку; ты долженъ будешь перенести ее на своихъ рукахъ въ ближайшее поле, гдѣ ждетъ ее лихой конь. Если встрѣтятъ тебя казаки, то, конечно, они тебя не тронутъ, — подумаютъ, что ты несешь свою добычу; это будетъ совершенно безопасно, — съ этими словами женщина вышла изъ бесѣдки.

Прошло не болѣе получаса, какъ она снова вошла, ведя кого-то за руку.

Въ бесѣдкѣ было такъ темно, что рѣшительно невозможно было разглядѣть вошедшую.

— Вотъ тотъ, который спасетъ тебя, панночка, — сказала женщина и подвела ее къ Егору Урвану.

Урванъ быстро схватилъ на руки дѣвушку и стремглавъ бросился изъ сада. Скоро онъ достигъ поля, гдѣ долженъ былъ оставить панночку, — до цѣли оставалось лишь нѣсколько шаговъ. Вдругъ позади его послышался конскій топотъ. Урванъ пріостановился и сталъ прислушиваться, но вотъ всадникъ былъ уже около Урвана.

— Что за человѣкъ? — крикнулъ грубо всадникъ.

По выговору было слышно, что это полякъ.

Урванъ молчалъ.

— Чего, собака, молчишь? Или хочешь попытать, остра ли моя сабля? — и съ этими словами всадникъ такъ сильно ударилъ по головѣ Урвана, что тотъ упалъ безъ чувствъ.

ГЛАВА VIII.

Панна Жозефина.

Пламя опустошило все владѣніе пана Младановича. Поляки, вполне увѣренные, что пожаръ былъ дѣломъ казаковъ, съ

остервенѣніемъ бросались на нихъ, но казаки дѣйствовали ловко и въ обиду не давались. Въ замкѣ пана раздавались отчаянные крики и рыданія.

— Кто тамъ рыдаетъ?—спросилъ одинъ полякъ у стоявшаго рядомъ съ нимъ пана.

— Жена пана Младановича убивается надъ трупомъ своего мужа,—былъ отвѣтъ.

— Надъ трупомъ пана Младановича! Да развѣ панъ убить?—удивленно воскликнулъ полякъ.

— Убить!

— Но гдѣ же тотъ злодѣй, который рѣшился поднять на него руку?—крикнулъ полякъ.

— Его не нашли.

— Я выкопаю его изъ земли, я задушю его своими руками!—горячился полякъ.

— Немало было поисковъ и все напрасно, — сказалъ панъ.

— Но скажите мнѣ, панъ, какими же судьбами уцѣлѣлъ замокъ пана отъ пожара?

— Наши удальцы такъ ловко дѣйствовали, что сумѣли отстоять замокъ.

— Гдѣ же панна Марина?

— Она еще и до сихъ поръ въ замкѣ, она помогаетъ паннѣ Констанціи, женѣ пана, спасти несчастнаго шестилѣтняго ребенка. Панна такъ сильно потрясена потерей своего мужа, что ее едва могли привести въ чувство. Но вотъ бѣда: паннѣ предстоитъ новое ужасное горе...

— Какое?

— Изъ замка пропала панна Жозефина.

— О, святая Мадона! значитъ, она теперь въ рукахъ казаковъ! — воскликнулъ полякъ.

— Конечно.

— И мы должны на это смотрѣть хладнокровно? О, если бы я зналъ этого злодѣя, о, если бы я могъ его сейчасъ найти, — какую ужасную казнь придумалъ бы я ему!

— Рано или поздно, онъ долженъ быть въ нашихъ рукахъ.

— Это какъ?

— Гонцы посланы во всѣ стороны, гдѣ-нибудь да накроютъ злодѣя, — сказалъ панъ.

Панна Жозефина была единственная дочь Младановича. Ей только что исполнилось 17 лѣтъ. Это была дѣвушка чудной, божественной красоты: свѣтлорусые волосы падали тяжелою косой на ея роскошный станъ, снѣжной бѣлизны кроткое, нѣжное личико, по временамъ покрывающееся легкимъ румянцемъ, такъ и просилось на полотно; это была поражающая красота. Но особенно хороши были ея голубые глаза, въ которыхъ было такъ много добра, что казалось, какъ будто самъ ангелъ смотритъ на васъ. И дѣйствительно, Жозефина была кротка и добра какъ ангелъ; всѣ, кто только зналъ, любили ее. Мамка, которую мы уже знаемъ изъ разговора съ Егоромъ Урваномъ, любила Жозефину какъ свою родную дочь. Видя страшное смятеніе около замка пана Младановича, мамка была страшно встревожена тѣмъ, что будетъ съ ея дорогою панной, когда казаки ворвутся въ замокъ.

— Похитятъ мою красавицу! — кричала она.

И вотъ у ней явилась мысль спасти Жозефину.

Марина, такъ звали мамку, послала одного изъ своихъ вѣрныхъ слугъ въ указанное поле, куда думала проводить сама Жозефину, чтобы тамъ сдать ее на руки вѣрнаго слуги для того, чтобы онъ отвезъ ее въ безопасное мѣсто; но, какъ знаемъ мы, она попала на Урвана, который и взялся спасти Жозефину. Спасъ ли онъ ее, это увидимъ нѣсколько далѣе.

ГЛАВА IX.

Отчаяніе матери.

Въ страшной суматохѣ и свалкѣ не замѣтилъ Грицко, что его младшаго сына не было около него. Поляки сильно нападали на казаковъ. Остапъ былъ схваченъ двумя поляками, и уже острыя сабли

были занесены надъ головою бѣднаго Остапа, но подоспѣли къ нему на помощь его товарищи, а то не быть бы ему живому. Въ замкѣ пана Младановича происходила ужасная, раздирающая сцена. Панна Констанція, убивавшаяся надъ трупомъ своего мужа, была съ помощью вѣрныхъ слугъ отвѣдена въ свою опочивальню, куда были приведены доктора, чтобы оказать ей помощь, такъ какъ чувства оставили ее.

Первыя слова панны Констанціи были о своей дочери.

— Гдѣ моя Жозефина? — слабымъ голосомъ спросила панна.

Служанка бросилась въ комнату Жозефины, но не нашла ея тамъ.

— Гдѣ панна Жозефина! — кричала служанка, бросаясь изъ комнаты въ комнату. Но никто не могъ ей дать удовлетворительнаго отвѣта.

Служанка бросилась отыскивать мамку, но и той нигдѣ не было.

Въ замкѣ поднялась страшная суматоха; между тѣмъ, панна Констанція, ни-

чего не зная, требовала, чтобы немедленно привели къ ней дочь.

— Панна Жозефина пропала! — раздались голоса во всѣхъ концахъ замка, и эти звуки долетѣли до слуха Констанціи, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ она уже была снова безъ чувствъ.

Доктора усердно хлопотали около нея, но не на радость привели они ее въ чувство.

— Отдайте, отдайте мнѣ дочь мою! — кричала, ломая руки, Констанція.

— Панна Жозефина сейчасъ придетъ, — успокаивали встревоженную мать доктора.

— Зачѣмъ вы лжете мнѣ! Дочь моя погибла! Я слышала, какъ чей-то голосъ говорилъ, что Жозефина пропала, — говорила съ отчаяніемъ бѣдная женщина.

Не было никакихъ силъ уговорить ее не предаваться отчаянію.

Вдругъ дверь опочивальни отворилась, и на порогѣ показалась Марина.

— Мамка, мамка, гдѣ моя дорогая Жозефина? Кто похитилъ ее у меня? — обра-

тилась съ рыданіями Констанція къ вошедшей мамкѣ.

— Не предавайся отчаянію, панна Констанція. Жозефина жива и здорова, — успокоила ее мамка.

— О, ты лжешь, они научили тебя лгать, чтобы успокоить меня; если она жива, почему же ты не привела ее ко мнѣ?

— Ты сейчасъ все подробно узнаешь объ ней отъ меня, только я попрошу удалиться всѣхъ отсюда; мнѣ нужно одной поговорить съ панной Констанціей, — сказала мамка.

Всѣ удалились.

— О, мое сердце чувствуетъ, что недобрую вѣсть хочешь ты сказать мнѣ, — обратилась панна Констанція къ мамкѣ, когда онѣ остались однѣ.

— Нѣтъ, панна, прошу тебя, успокойся; ты знаешь, какъ я люблю панну Жозефину. Я уже давно позаботилась объ ея спасеніи.

— Но гдѣ же она?

— Она далеко отсюда.

— О, говори, говори, ее увезли? Ее убили?

— Но я уже тебѣ сказала, чтобы ты не тревожилась, это теперь вредно для тебя! Панна Жозефина—въ добрыхъ рукахъ.

— О, я понимаю теперь цѣль твою. Ты боишься за меня, и вотъ доктора научили тебя и прислали меня успокоить. Нѣтъ, напрасно! Вы такъ думаете, что успокоите меня своей ложью? Я лишу себя жизни, я не хочу жить безъ дорогой моей дочери!

— Панна Констанція, требуй отъ меня какой хочешь клятвы въ томъ, что я тебѣ буду говорить истинную правду,—проговорила Марина; слова ея дышали искренностью, и панна Констанція, повидимому, начинала ей вѣрить.

— Говори, говори скорѣй, я вѣрю тебѣ, — отвѣтила Констанція.

— Слушай, панна; лишь только казаки окружили нашъ замокъ, я уже видѣла, что

добра у насъ не будетъ, первая мысль, конечно, у меня была о дорогой моей Жозефинѣ. Нужно спасти ее, подумала я, и рѣшилась привести въ исполненіе этотъ планъ. Я отыскала нашего вѣрнаго слугу Жозефа и велѣла ему взять своего вѣрнаго коня и выѣхать въ поле, гдѣ онъ долженъ былъ дожидаться меня съ Жозефиной, которую я хотѣла непременно сама увезти изъ замка, и затѣмъ ѣхать съ ней къ паннѣ Юзѣ, съ которой я уже заранѣе переговорила, и она для моей дорогой Жозефины приготовила безопасное мѣсто.

— О, моя дорогая Марина, какъ мнѣ благодарить тебя! — проговорила съ глубокимъ чувствомъ растроганная мать.

— Когда пламя охватило наше строеніе, когда опасность отъ казаковъ была близка, я вывела Жозефину въ садъ, чтобы отвести ее на условленное мѣсто; но едва я успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ навстрѣчу мнѣ попался молодой казакъ. О, какой ужасъ охватилъ меня; но

я не потеряла мужества, я стала его умо-
лять спасти Жозефину, и мнѣ удалось это
сдѣлать.

— Ты довѣрила ее казаку? — съ испу-
гомъ спросила Констанція.

— Не бойся, панна, Марина ничего
опрометчиво не сдѣлаетъ; если она довѣ-
рила свою дорогую Жозефину человѣку,
то, значитъ, она провѣдала его душу, —
успокоила мамка.

— О, какая великая награда ждеть
тебя за твое доброе дѣло! — воскликнула
Констанція и бросилась обнимать добрую
мамку.

— Но когда я могу ее увидѣть? — при-
бавила Констанція.

— Не болѣе какъ черезъ два дня мы
отправимся къ Юзѣ вмѣстѣ, — отвѣтила
мамка.

Успокоенная Констанція отпустила отъ
себя Марину, и доктора снова вошли въ
ея комнату.

ГЛАВА X.

Поиски Егора Урвана.

Когда казаки отъехали отъ замка паня Младановича, то около него все стихло; только по временамъ слышался топотъ лошади какого-нибудь казака, догонявшего своихъ товарищей.

Грицко во весь опоръ неся на своемъ лихомъ конѣ, озираясь кругомъ, какъ будто кого-то искалъ.

— Батько, я давно ищу тебя! — крикнулъ позади его голосъ.

Грицко обернулся и увидалъ скакавшего къ нему Остапа.

— Гдѣ ты былъ? — спросилъ старикъ.

— Ну, батька, если бы не добрые товарищи-казаки, то лежалъ бы я теперь на сырой землѣ бездыханнымъ трупомъ, — сказалъ ему Остапъ.

— Что такъ?

— Да проклятые поляки такъ ловко огрѣли меня по головѣ, что и память

отлетѣла къ чорту, — шутливо отвѣтилъ Остапъ.

— Ну, къ этому, братъ, теперь надо привыкать, это вѣдь не въ бурсѣ вашей; тамъ хоть и дадутъ затрещину порядочную, а все не чета польской саблѣ, — засмѣлся Грицко.

— Ты, батько, не видалъ брата Егора?

— Нѣтъ, не видалъ, знать его, молодца, отправили на тотъ свѣтъ, — совершенно хладнокровно проговорилъ Грицко.

— Ну, полно тебѣ, батько, такія непригодныя рѣчи говорить, — осердился Остапъ.

— А куда жъ онъ подѣлся?

— Куда подѣлся? А може, тоже куда-нибудь далеко отъѣхалъ; вѣдь мы вотъ съ тобой тоже далеконько было разъѣхались.

— Ну, пусть его учится по полю брани на лихомъ конѣ скакать.

— Что-то матушка, — съ тяжелымъ вздохомъ вспомнилъ Остапъ.

— Ишь ты, баба какая, только бы тебѣ и сидѣть съ маткой на печи, — засмѣлся Грицко.

— Смотри, батька, что это за толпа тамъ собралась, — проговорилъ Остапъ, указывая батькѣ впередъ.

Грицко сталъ оглядываться.

— Э, братъ, да тамъ что-нибудь да не ладно. Смотри, какой-то человекъ барахтается; знать, поляки нашего брата обижаютъ, — отвѣтилъ Грицко.

— Ужъ не Егоръ ли нашъ попалъ имъ въ руки? Ъдемъ, батько, спасемъ его! — крикнулъ Остапъ и прищипорилъ своего лихого коня.

Когда они подъѣхали къ толпѣ, то ихъ взорамъ открылась страшная картина: четыре поляка тащили молодую красивую казачку, которая съ воплемъ просила у нихъ пощады. Въ нѣсколькихъ шагахъ лежалъ окровавленный трупъ старика-казака, отца несчастной дѣвушки, который сдѣлался жертвой поляковъ.

— Что вы дѣлаете, бисовы дѣти! — съ яростью крикнулъ на поляковъ Грицко.

— Ты еще что за атаманъ-разбойникъ! — со смѣхомъ спросили его поляки.

— А, еще вы шутить надо мной вздумали! Ну, я покажу вамъ сейчасъ, каковъ есть Грицко Урванъ и какъ можно надъ нимъ смѣяться! — закричалъ озлобленный Грицко и съ яростью бросился на поляковъ.

— Души ихъ, батъко! — кричалъ Остапъ и одного поляка такъ ловко огрѣлъ своею саблей, что тотъ, какъ подкошенный снапъ, упалъ на землю.

Озлобленные поляки набросились на Грицко, но тотъ ловко отбивался, и они обезсиленные скоро начали отступать.

— Дуй ихъ, бисовыхъ сыновъ! — крикнулъ Грицко Остапу и началъ такъ ловко дѣйствовать своею саблей, что скоро и остальные лежали мертвыми.

Дѣвушка лежала уже безъ чувствъ, одежда ея была изорвана, на рукахъ и лицѣ были видны глубокія ссадины.

— Нужно привести ее, батъко, въ чувство, — сказалъ Остапъ, указывая на дѣвушку, и соскочивъ съ коня, подошелъ къ ней.

Прошло съ полчаса времени, и молодая казачка, открывъ глаза и увидя предъ собою казака, съ чувствомъ глубокой благодарности посмотрѣла на Остапа.

— Тебѣ лучше?—спросилъ ее Остапъ.

— Да, я начинаю немного приходить въ себя. Но что случилось съ моимъ бѣднымъ баткой? — проговорила молодая казачка и горько зарыдала.

— Перестань плакать, твои слезы не подымутъ твоего убитого батку. Тебѣ нужно позаботиться о себѣ, — сказалъ Остапъ.

Дѣвушка тяжело вздохнула.

— Дай мнѣ взглянуть на трупъ моего батки, — умоляющимъ голосомъ проговорила она.

Остапъ взялъ ее подъ руку и подвелъ къ обезображенному трупу, который лежалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Казачка съ рыданіями бросилась на грудь отца; ея отчаянію не было бы конца, если бы Остапъ силой не отвелъ ее въ сторону.

— Скажи мнѣ, какъ ты сюда попала?

— Эти поляки ворвались на поле, которое находится близъ нашей станицы; я была съ батшкой въ полѣ на работѣ, они схватили меня и потащили съ собой: батшко въ одинъ мигъ успѣлъ осѣдлатъ своего коня и пустился за ними въ догоню; онъ хотѣлъ вырвать меня изъ рукъ злодѣевъ, но они убили его, — рассказывала дѣвушка.

— Ну, батшко, ты поѣзжай дальше; быть-можетъ, гдѣ и навернешься на Егора, а я отведу эту дѣвушку въ безопасное мѣсто, — сказалъ Остапъ.

— Ахъ ты, собачій сынъ, догадливъ, зналъ, что выбрать; а ты бы лучше самъ ѣхалъ разыскивать брата, а мнѣ поручилъ ее, — засмѣялся старикъ.

— Все-то, батшко, ты съ шутками, а ты скорѣй дѣло-то дѣлай, поразузнай отъ казаковъ о братѣ и пріѣзжай ко мнѣ съ доброю вѣстью, — сказалъ Остапъ.

— А ты съ дѣвкой той порой нянчиться будешь? — не унимался старикъ.

ГЛАВА XI.

Услуга за услугу.

Мы оставили Егора Урвана лежащимъ безъ чувствъ. Рѣшивши спасти Жозефину, Егоръ взялся доставить ее въ указанное мѣсто; но не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ ловкій ударъ положилъ его на мѣстѣ, но, къ счастью, ударъ былъ несмертельный.

Кто же былъ злодѣй, который такъ жестоко отплатилъ ему за доброе дѣло?

Куда дѣвалась бѣдная Жозефина?

Поляки, преслѣдуемые казаками за свой разбой, разбрелись повсюду, и вотъ одинъ изъ нихъ, желая укрыться отъ своихъ враговъ, выбралъ то самое мѣсто, по которому шелъ Егоръ Урванъ со своею ношей.

Луна свѣтила своимъ полнымъ блескомъ и освѣщала лицо Егора Урвана. Полякъ, завидя человѣка съ ношей на рукахъ, рѣшилъ, что это какой-нибудь злодѣй изъ ка-

заковъ похитилъ бѣдную польку, и желая ее спасти, ловко ударилъ Егора Урвана.

Жозефина, видя гибель своего избавителя, въ ужасѣ вскрикнула:

— Кто ты? и чего ты такъ испугалась? — спросилъ ее полякъ, оттолкнувъ ногой безчувственного Егора Урвана.

— Я дочь пана Младановича, — тихо отвѣтила она.

— Пана Младановича?

— Да. Что же тебя такъ испугало мое имя?

— Но какъ ты, панна, могла попасть сюда?

— Мамка моя, добрая Марина, постаралась укрыть меня отъ казаковъ, — объяснила она.

— Но вѣдь ты была сейчасъ въ рукахъ казака?

— Вотъ онъ-то и взялся меня спасти.

— Хоть убей, ничего не понимаю, — отвѣтилъ изумленный полякъ.

— Онъ взялся проводить меня къ моему вѣрному слугѣ, который ожидаетъ

меня въ полѣ. Зачѣмъ ты убилъ его?—
съ горькими слезами сказала панна.

— Да развѣ я могъ угадать, да и кому же придетъ въ голову, чтобы казакъ взялся спасать польку. Теперь пойдемъ, я проведу тебя. Не бойся, панна, со мной ты будешь безопасна, — сказалъ полякъ.

— Иди своей дорогой, я не пойду отсюда; я хочу знать, что будетъ съ этимъ казакомъ. Мнѣ сдается, что онъ живъ, — отвѣтила панна.

— Но вѣдь здѣсь могутъ накрыть тебя казаки, — сказалъ полякъ.

— Пусть накроютъ, знать, такова моя судьба. Этотъ бѣдный казакъ пострадалъ безвинно—онъ умеръ за меня, и я не хочу его покинуть до тѣхъ поръ, пока не узнаю навѣрно, что жизнь совершенно оставила его, — сказала панна.

Какъ ни упрашивалъ полякъ панну Жозефину слѣдовать за нимъ, она ни за что не согласилась оставить Егора Урвана. Полякъ спѣшилъ по своимъ дѣламъ и не могъ оставаться съ нею.

Оставшись одна, панна Жозефина тихо опустилась на колѣни передъ безчувственнымъ Урваномъ. Яркій лунный свѣтъ падалъ прямо въ лицо Урвана, которое было блѣдно какъ полотно; онъ былъ невыразимо хорошъ при лунномъ свѣтѣ. Темные кудри прядями спускались по блѣдному лицу; онъ былъ похожъ на мраморную статую, и Жозефина невольно залюбовалась имъ.

Она брала его похолодѣвшія руки, терла ихъ, прикладывала свои руки къ его бѣлому, мраморному лбу, смотрѣла съ замираніемъ сердца; не откроетъ ли онъ свои чудные глаза, но онъ лежалъ недвижимо.

— О, святая Мадона! такъ молодъ, такъ хорошъ и долженъ былъ умереть во цвѣтѣ лѣтъ, — говорила панна Жозефина. — Боже, онъ дышитъ! — почти вскрикнула она, услыхавъ его дыханіе.

Егоръ Урванъ открылъ глаза и жадно вдохнулъ въ себя воздухъ свѣжей ночи.

— Что со мной? — какъ бы въ бреду проговорилъ онъ.

Жозефина наклонилась къ нему свою голову.

— Что я вижу? Самъ ангель сошелъ съ неба утѣшать меня! — воскликнулъ онъ, оглядывая Жозефину.

— Добрый казакъ, это я, та самая панна, которую ты взялся спасти и за которую такъ жестоко, безвинно пострадалъ, — сказала Жозефина.

— Но что же было со мной, расскажи мнѣ, добрая панна?

— Полякъ нашъ ударилъ тебя и ты упалъ безъ чувствъ; вотъ уже часа два я стою надъ тобой и ожидаю, что съ тобой будетъ, — сказала панна.

— Нѣтъ, ты не простое земное существо, ты ангель, посланный съ неба; такой красоты не можетъ быть на землѣ.

— Спасибо за ласковое слово, добрый казакъ. Скажи мнѣ теперь, какую ты хочешь отъ меня награду за твою службу? — спросила его панна.

— Никакой награды мнѣ отъ тебя не надо, только спасайся сама. Зачѣмъ ты

стоишь здѣсь? Тебя могутъ накрыть наши, и тогда твоя гибель неизбежна. Уходи, уходи скорѣй! — говорилъ Урванъ.

— Я не уйду до тѣхъ поръ, пока ты не будешь въ силахъ встать и твердой поступью идти туда, гдѣ ты оставилъ своего коня, — сказала панна.

— О, моего коня, конечно, ужъ давно нѣтъ! Но не бойся, добрая панна, я не пропаду.

Жозефина ласково смотрѣла на него своими прекрасными голубыми глазами, — ей не хотѣлось отвести своихъ взоровъ отъ красиваго лица казака: она невольно залюбовалась имъ.

— Ты спрашивала меня, какую награду я желаю получить отъ тебя за то, что согласился спасти тебя? Изволь, я скажу тебѣ; но даешь ли ты мнѣ слово, что исполнишь мою просьбу? — сказалъ Егоръ.

— Даю, — тихо отвѣтила панна.

— Я хочу, чтобы это наше свиданіе было не послѣднее, — сказалъ Егоръ и ласково взглянулъ на красавицу панну.

— Но гдѣ же я могу съ тобой видѣться, — удивилась дѣвушка.

— Каждый вечеръ на этомъ же самомъ мѣстѣ. Вѣрь мнѣ, что я ничего дурного тебѣ не сдѣлаю; я буду любить тебя, какъ родную сестру, я повѣдаю тебѣ свою тайну, — повѣдаю все, что лежитъ на моей душѣ; я расскажу тебѣ о своей невѣстѣ, которая такъ же добра, какъ и ты, — сказалъ Урванъ.

— У тебя есть невѣста?

— Да.

— Гдѣ же она?

— Въ нашей станицѣ.

— Ты любишь ее?

— Больше жизни!

— А хорошо любить?

— О, какъ хорошо, какъ сладко, моя дорогая сестра! Позволь мнѣ называть тебя такъ, — сказалъ Егоръ и, взявъ руку дѣвушки, крѣпко сжалъ ее.

— Называй меня сестрой, если тебѣ такъ хочется. Вѣдь это не будетъ грѣхъ?

— Конечно, нѣтъ!

— Но вѣдь наша вѣра разная, — проговорила она.

— Богъ у всѣхъ одинъ.

Жозефина тяжело вздохнула.

— Что же ты мнѣ ничего не отвѣтила. Согласна ли ты будешь со мной видѣться?

— Согласна.

— О, моя дорогая сестра, какъ я благодаренъ тебѣ.

— Какъ зовутъ твою невѣсту?

— Маруся.

— Хороша она?

— Да, она добрая, хорошая!

— Краше ея ты никого не видалъ? — спросила панна.

— Нѣтъ, видалъ.

— Гдѣ же?

— Ты краше ея, а больше никого не знаю.

Лицо Жозефины вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

— Ну, а ты любила кого-нибудь, или, быть-можетъ, теперь любишь? — спросилъ Егоръ, усаживая панну возлѣ себя.

— Нѣтъ, никого не любила, — стыдливо отвѣтила она.

— А хотѣлось бы тебѣ полюбить?

— Не знаю, я объ этомъ никогда не думала.

— Объ этомъ и не думаютъ, любовь приходитъ разомъ, — отвѣтилъ ей Егоръ Урванъ, ласково глядя въ ея прекрасные голубые глаза.

На небѣ начинало свѣтлѣть, и красота Жозефины еще ярче обрисовалась передъ глазами Егора.

— Меня ждетъ нашъ вѣрный слуга; онъ, вѣроятно, думаетъ, что я погибла; мнѣ пора, — какъ-то неохотно произнесла она.

— Дозволь мнѣ тебя проводить, — сказалъ Егоръ.

— Но ты еще слишкомъ слабъ, это утомить тебя.

— Не безпокойся, теперь я чувствую себя хорошо. Но скажи мнѣ, гдѣ ты теперь будешь жить?

— Недалеко отсюда, у старухи-тетки; у нея я буду безопасна.

— Итакъ завтра, съ восходомъ луны, я буду ждать тебя здѣсь, моя дорогая сестра! Вѣдь ты придешь?

— Приду,—тихо отвѣтила она и, вставъ, направилась къ дорогѣ, въ сопровожденіи Егора Урвана.

Скоро они нашли проводника, давно уже ожидавшаго свою панну. Немало былъ удивленъ вѣрный слуга пана Младановича, когда увидалъ свою панну, идущую съ казакомъ; но Жозефина скоро вывела его изъ недоумѣнія самымъ подробнымъ рассказомъ обо всемъ, что съ ней случилось.

Пожавъ крѣпко руку панны Жозефины, Урванъ пошелъ назадъ.

Въ первый разъ въ жизни забилося такъ тревожно сердце молодой панны; что-то особенное дѣлалось въ немъ, непонятное, невѣдомое для нея.

Скоро она достигла съ своимъ проводникомъ небольшого домика старухи-тетки, которая, предупрежденная Мариной, ждала свою племянницу гораздо ранѣе.

— Что съ тобой, дитя мое? Ты блѣдна какъ полотно,—говорила старуха, встрѣчая свою дорогую гостью.

Жозефина въ короткихъ словахъ рассказала все, что съ ней повстрѣчалось; не рассказала только хитрая панночка, какъ она любовалась на красивое лицо казака, какъ дала слово ему притти на тайное свиданіе.

Черезъ нѣсколько времени все спало въ домѣ старухи-тетки; не спалось одной молоденькой панночкѣ: красивый образъ молодого казака не отходилъ отъ ея изголовья.

ГЛАВА XII.

Новая встрѣча.

— Неужели я преступникъ? — почти вскрикнулъ Егоръ Урванъ, когда остался одинъ.—Нѣтъ, доброе дѣло сдѣлать ни для кого не грѣхъ. Вѣдь она никогда не была врагомъ ни мнѣ ни кому другому изъ нашихъ казаковъ. Хотя наша вѣра

не позволяет мнѣ быть такъ близко съ ней, но вѣдь Богъ одинъ, Онъ видитъ правду! Да и кому подобный ангелъ можетъ быть врагомъ? Вѣдь я буду любить ее какъ сестру, я буду говорить съ ней о моей дорогой Марусѣ; если бы и она видѣла этого ангела, она тоже бы полюбила ее. Нельзя не любить ея! — такъ разсуждалъ Егоръ Урванъ, проходя просторнымъ полемъ. Лѣтнее солнце уже взошло и грѣло его своими лучами. Егору какъ-то особенно хорошо было въ эти минуты.

Куда онъ шелъ, онъ этого и самъ не понималъ — онъ шелъ туда, куда глаза глядѣли. Прекрасное личико панны Жозефины ясно встало передъ его глазами. Онъ опустилъ голову на грудь и шелъ впередъ тихую, медленную походкой.

— Егоръ! — крикнулъ чей-то голосъ надъ самымъ ухомъ молодого казака. Онъ поднялъ голову, предъ нимъ стоялъ Грицко.

— Батько! Откуда ты взялся? — испуганно спросилъ Егоръ.

— Тебя ищу, собачій сынъ! Куда ты запропастился?

Егоръ не зналъ, что отвѣчать, и молча смотрѣлъ на отца.

— Чего ты буркалы-то свои таращишь на меня, что ты не отвѣчаешь? Тебя вѣдь я спрашиваю, говори, что съ тобой повстрѣчалось?

— Со мной?.. ничего!..

— Да гдѣ же ты пропадалъ?

— Здѣсь.

— Гдѣ здѣсь?

— Вотъ тутъ. Меня было убили поляки.

— А конь гдѣ?

— Не знаю.

— Пропалъ, значитъ?

— Знать пропалъ.

— Да гдѣ же ты его покинулъ?

— Не помню?

— Куда же ты теперь шель?

— И этого не знаю.

— Э, братъ, да, видно, тебя поляки ловко угостили, весь разумъ у тебѣ отшибли, — засмѣялся Грицко.

Егоръ молча стоялъ.

— Значить, теперь надо коня добывать, — сказалъ Грицко.

— Гдѣ жъ его добудешь?

— Что жъ, дурень, такъ болтаться и будешь?

— Коня купить негдѣ.

— Зачѣмъ купить; коль ты ловкій казакъ, то и такъ добудешь, — отвѣтилъ Грицко.

— Не знаю, гдѣ добыть.

— Вижу я, что совсѣмъ ты сталъ дурнемъ. На, бери моего коня и поѣзжай къ Остапу, онъ ждетъ тебя вонъ въ той рощѣ, — проговорилъ Грицко, подводя своего коня.

Егоръ Урванъ молча сѣлъ на подведеннаго коня, прищпорилъ и понесся какъ стрѣла.

— А съ парнемъ что-то не ладно; знать важно его угостили, бисовы дѣти, — рѣшилъ Грицко и пошелъ тою же дорогой, куда поѣхалъ Егоръ.

Всю дорогу Егора Урвана занимала мысль о прекрасной полкѣ; какъ ни гналъ

онъ эту неотвязную мысль, но она не покидала его. О, какъ дорого бы онъ далъ, чтобы возвратить тѣ часы, которые еще такъ недавно проводилъ съ ней, какъ хотѣлось ему слышать снова ея тихій, чудный голосъ!

Онъ начиналъ ее сравнивать съ своею Марусей и находилъ огромную разницу; какъ некрасивы показались глаза Маруси въ сравненіи съ чудными глазами панны Жозефины.

Занятый этой мыслью, онъ незамѣтно достигъ того мѣста, гдѣ ожидалъ его братъ Остапъ. Завидя его, Егоръ быстро соскочилъ съ лошади и бросился въ его объятія, какъ будто онъ цѣлый десятокъ лѣтъ былъ въ разлукѣ съ нимъ.

— Я считалъ тебя уже погибшимъ, — сказалъ Остапъ, обращаясь къ брату.

— О, какъ было бы хорошо, если бы я дѣйствительно погибъ! О, зачѣмъ этотъ проклятый полякъ не уложилъ меня на смерть? — съ какимъ-то отчаяніемъ сказалъ Егоръ.

— Что съ тобой? Ты страшно встревоженъ,—удивился Остапъ, оглядывая брата.

Егоръ опустилъ голову и горько зарыдалъ.

— Да открой же мнѣ свою печаль, скажи, что съ тобою?—упрашивалъ его Остапъ.

Но Егоръ упорно молчалъ.

Остапъ рѣшилъ, что, вѣроятно, ему сильно взгрустнулось о Марусѣ, и больше не приставалъ къ нему.

Весь день Егоръ былъ, какъ говорится, не въ себѣ. Онъ упорно молчалъ, видно было, что тяжело было на душѣ у него. Лишь стало смеркаться, Егоръ взялъ шапку и хотѣлъ выйти на улицу, чтобъ осѣдлатъ коня.

— Ты куда? — спросилъ его удивленный Остапъ.

— Куда глаза глядятъ!

— Я не пущу тебя, что-то недоброе творится съ тобой; коли ты мнѣ не скажешь, я поѣду за тобой слѣдомъ.

— Ты этого не сдѣлаешь, иначе я убью тебя какъ собаку!—дико вскрикнулъ Егоръ.

Остапъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на брата.

— Слушай, Остапъ, поклянись мнѣ, что ты не будешь слѣдить за мной, ты не погубишь меня.

— Но скажи мнѣ, что ты замышляешь?

— Ничего.

— У тебя есть какая-то тайна, я хочу знать ее.

— Узнаешь скоро все, но теперь пусти меня и клянись именемъ честнаго казака, что ты не пойдешь слѣдить за мной!

— Клянусь! — отвѣтилъ Остапъ.

Конь былъ скоро осѣдланъ, и Егоръ пустился по знакомой дорожкѣ.

Снова свѣтила луна и освѣщала гладкую широкую дорогу.

Подъѣхавъ къ желанному мѣсту, Егоръ проворно соскочилъ съ коня, привязалъ его и пошелъ туда, куда тянуло его сердце, хоть онъ и самъ этого не замѣчалъ.

Вотъ мелькнула чья-то тѣнь; какая-то невѣдомая до сихъ поръ дрожь пробѣжала по всѣмъ жиламъ Егора Урвана, онъ

сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ — и передъ нимъ стояла панна Жозефина.

— О, моя дорогая сестра, какъ благодаренъ я тебѣ, что ты пришла сюда! — сказалъ Егоръ, взявъ ея руку.

Жозефина ласково глядѣла ему прямо въ очи. О, какъ хороша она показалась ему въ эту минуту.

— Что съ тобой, моя дорогая? Ты чѣмъ-то встревожена, ты вся горишь, — говорилъ Егоръ, прикасаясь своею рукой къ ея горячей головѣ.

— Что-то недоброе творится со мной, я не могу тебѣ объяснить этого я не спала всю ночь, мнѣ было душно, мое сердце куда-то рвалось далеко-далеко; ахъ, какъ тяжело мнѣ! — и изъ глазъ ея полились слезы.

— Но успокойся, моя дорогая, — сжимая ея руку, говорилъ Егоръ.

— Зачѣмъ ты мнѣ сказалъ, что ты любишь свою Марусю?

— Что жъ, развѣ тебѣ непріятно? — удивился Егоръ.

— Мнѣ какъ-то больно дѣлается, когда

я вѣномню объ этомъ. О, какъ хотѣла бы я быть этой Марусей! Меня никто не любить! — съ какимъ-то отчаяніемъ произнесла она.

— Но вѣдь и ты не любишь никого?

— Я... Нѣтъ... я люблю... люблю, — какъ-то порывисто произнесла она.

— Кого? — испуганно спросилъ Егоръ.

— Ты хочешь знать?

— Хочу.

— Тебя, — тихо прошептала она, и ея чудная головка упала на грудь Егора.

Урванъ порывисто обнялъ дѣвушку, крѣпко прижалъ къ своей груди, и ихъ уста слились въ одинъ долгій жаркій поцѣлуй.

— Оставь! оставь меня! — какъ бы очнувшись, вскричала панна Жозефина. — Вѣдь ты женихъ другой, вѣдь ты казакъ, я не должна любить тебя!

— Ты одна живешь въ душѣ моей съ той минуты, какъ я увидалъ тебя, божественная панна! Для тебя я готовъ отречься отъ отца, матери, братьевъ, отъ своей вѣры, я готовъ положить жизнь къ

твоимъ ногамъ! Приказывай, повелѣвай, ты царица моя! — крѣпко сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, шепталъ Егоръ Урванъ.

— Перейди въ нашъ лагерь, и я твоя! — обвивъ руками шею казака, ластясь, шептала панна.

— О, ты требуешь ужаснаго! — воскликнулъ Егоръ Урванъ.

— Пусти, пусти меня! Я не должна дольше быть съ тобой ни одной минуты, — моя любовь преступна! — воскликнула панна Жозефина, стараясь освободиться изъ его объятій.

— Я не пущу тебя!

— Я лучше лишу себя жизни, чѣмъ соглашусь принадлежать казаку. О, какъ тяжело мнѣ съ тобой разстаться!

— Мы не разстанемся, я твой навѣки! — восторженно вскричалъ Егоръ Урванъ.

— Пусти, пусти! Я не хочу быть здѣсь ни одной минуты, я не должна быть здѣсь, я — преступница! — и панна горько зарыдала.

— Бери отъ меня все: жизнь, честь мою, я все сложу къ твоимъ ногамъ! — какъ бы не помня себя, вскричалъ Егоръ.

— Ты перейдешь въ нашъ станъ? — радостно спросила панна.

— Да, я твой навѣки!

— О, мой хорошій, мой дорогой, какъ я горячо буду любить тебя. Ты будешь любимымъ братомъ, моимъ соотечественникомъ! — восторженно вскричала она.

— Пойдемъ, пойдемъ со мной, съ этой минуты мы будемъ съ тобой неразлучны, — ласково говорила панна.

Егоръ Урванъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Злодѣй! измѣнникъ! предатель! клятвопреступникъ! — вдругъ раздался позади его женскій голосъ.

Урванъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, упалъ на землю, и глухіе стоны, раздирающіе душу, вырвались изъ его груди и огласили воздухъ. Передъ нимъ стояла блѣдная какъ смерть, дрожа всѣмъ тѣломъ, знакомая намъ Маруся.

ГЛАВА XIII.

Страшная мѣсть.

Откуда могла взяться казачка Маруся? Что привело ее сюда? Ея любовь была такъ сильна къ молодому казаку, что она не въ силахъ была перенести долгой разлуки съ дорогимъ ей человѣкомъ. Она тихонько покинула домъ и ушла слѣдомъ за Егоромъ Урваномъ. Не мало труда стоило ей отыскать своего возлюбленнаго, не мало различныхъ тяжелыхъ испытаній перенесла она во время дороги, не разъ падала она въ руки поляковъ; и только ея безграничная любовь могла заставить ее перенести всѣ тяжести, всѣ невзгоды. Придя въ лагерь и расспрашивая всѣхъ встрѣчныхъ, она узнала, гдѣ находится Егоръ Урванъ; но она не хотѣла показаться ему, не хотѣла мѣшать ему въ дѣлѣ и всюду тайно бродила за нимъ въ казацкомъ платьѣ. О, какъ была она счастлива, когда ей издали удавалось слѣдить за

ея возлюбленнымъ, когда она могла тайно любоваться на его дорогое лицо.

Маруся была въ саду пана Младановича, когда мамка Жозефины такъ горячо умоляла спасти ея дорогую панну, затѣмъ шла Маруся за Егоромъ, когда онъ провожалъ Жозефину; она слышала ихъ первый разговоръ. О, сколько злобы, сколько ненависти зародилось еще тогда въ душѣ любящей дѣвушки къ паннѣ Жозефинѣ! Страшная ревность закралась въ душу молодой казачки. Сердце шептало ей, что Жозефина будетъ ей страшнымъ врагомъ; она готова была задушить ее своими руками, но утѣшала себя мыслью, что дорогой ей Егоръ Урванъ никогда не изменитъ, онъ не нарушитъ данной клятвы, онъ—честный казакъ. И вспомнилось Марусѣ послѣднее свиданіе, вспомнилась злобѣщая птица, которой тогда она такъ испугалась. Она упала безъ чувствъ на траву; глухіе страшные стоны вырывались по временамъ изъ ея груди, готовой разорваться на части.

Долго не могъ опомниться Егоръ Урванъ отъ словъ, которыя произнесла надъ его головой Маруся!

— Неужели это видѣніе? Нѣтъ, это была она, она живая Маруся! О, прости, прости, что я погубилъ тебя, но теперь я ничего не въ силахъ сдѣлать. Жозефина для меня дороже жизни, чести. Для нея я съ улыбкой готовъ умереть, — говорилъ Егоръ, придя въ себя.

Горячо ластилась къ нему Жозефина и старалась его успокоить. Съ помощью слуги, который ожидалъ Жозефину въ нѣсколькихъ шагахъ, она проводила его въ домъ своей тетки и представила его ей, какъ лучшаго своего друга, какъ жениха.

Тетка сначала была страшно поражена, узнавъ въ Егорѣ Урванѣ казака; Жозефина постаралась успокоить ее, говоря, что Егоръ, любя ее, переходитъ въ ихъ лагерь.

Егоръ Урванъ, повидимому, былъ совершенно покоенъ: онъ съ любовью смотрѣлъ на красавицу Жозефину и былъ совершенно счастливъ.

Что же случилось съ Марусей? О, она не могла простить Егору такой злой обиды, она поклялась страшно отомстить ему.

Грицко Урванъ скакалъ на своемъ конѣ изъ польскаго лагеря, на лицѣ его была замѣтна глубокая ссадина, лицо было страшно блѣдно и выражало злобу. Онъ возвращался съ битвы съ поляками, гдѣ подъ его тяжелою рукой и острою саблей легло трое молодыхъ ляховъ.

Быстрый конь летѣлъ какъ стрѣла; вдругъ Грицко видитъ, что какая-то женщина встала передъ нимъ, загородивъ ему дорогу. Онъ въ одинъ мигъ осадилъ коня.

— Прочь съ дороги! Что ты, оглашенная, аль не видишь живого человѣка, что подъ лошадь лѣзешь? — крикнулъ Грицко.

— Сойди съ коня, мнѣ нужно говорить съ тобой, — сказала женщина.

— Э, да это наша казачка! Да и лицо твое что-то знакомо! — воскликнулъ Грицко, вглядываясь въ молодое красивое лицо дѣвушки.

Она стояла молча, опустивъ на грудь голову; лицо ея было блѣдно, какъ полотно.

— Маруся! да какъ ты могла попасть сюда?—удивился Грицко, оглядывая Марусю.

— Слѣзай съ коня и я тебѣ расскажу все.

Грицко быстро соскочилъ на землю.

— Ты знаешь, что я люблю твоего сына?

— Знаю.

— Ты не хотѣлъ дать благословенія на нашъ бракъ.

— Не хотѣлъ и никогда не дамъ, потому что отецъ твой—страшный врагъ мнѣ.

— А гдѣ теперь твой сынъ Егоръ? — спросила Маруся.

— Знамо, съ поляками управляется, лихой онъ у меня, — съ улыбкой отвѣтилъ Грицко.

— Ну, ошибся ты маленько: сынъ твой сидитъ съ молодою полькой, крѣпко она прижимаетъ его къ своей груди. Онъ измѣнникъ, предатель, онъ перешелъ въ польскій лагерь, — сказала Маруся.

— Молчи, или я задушю тебя за твою наглую ложь! — дико вскричалъ Грицко.

— Маруся Шпакъ никогда не лжетъ! Пойдемъ со мной, я укажу тебѣ мѣсто,

гдѣ живетъ его любовница; ты самъ увидишь, какъ пируетъ онъ теперь съ своими новыми друзьями, — говорила Маруся.

Лицо ея дѣлалось все блѣднѣе и блѣднѣе, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

Волосы встали дыбомъ у старика отъ словъ Маруси; онъ думалъ, что вотъ сейчасъ лопнетъ голова его.

Бросивъ на произволъ своего коня, Грицко быстро зашагалъ вслѣдъ за Марусей; скоро они достигли того мѣста, на которомъ Маруся произнесла свое проклятіе.

Вблизи ихъ раздалось нѣсколько голосовъ; то были молодые поляки.

— Нашего полку прибыло, — съ усмѣшкой сказалъ одинъ полякъ.

— Что такое? — спросилъ другой.

— Ты развѣ ничего не знаешь?

— Не знаю.

— Не слыхалъ про панну Жозефину, какихъ дѣлъ она надѣлала?

— Ничего не знаю.

— Она своею красотой обворожила молодого удалого казака, онъ отрекся отъ

своей вѣры, отъ своихъ братьевъ и перешелъ въ нашъ станъ; теперь мы кое-что отъ него повывѣдаемъ, — съ довольною улыбкой сказалъ полякъ.

— Браво, панна Жозефина! — воскликнулъ за нимъ другой голосъ.

Поляки пошли дальше и скоро не было слышно ихъ голосовъ.

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія, и влюбленная парочка показалась на условномъ мѣстѣ.

— Теперь ты вѣришь въ мою любовь? — спрашивалъ Егоръ свою возлюбленную.

— Вѣрю, вѣрю! — съ улыбкою отвѣтила панна.

— Я долженъ буду отъ тебя сейчасъ отлучиться; молодой полякъ, съ которымъ я такъ подружился, просилъ меня быть у него и передать ему кой-что о казачьемъ войскѣ.

— Иди, иди, дорогой мой! Лишь только взойдетъ луна, я буду ждать тебя здѣсь, и ты снова придешь въ мои объятія, — съ веселою улыбкой говорила панна.

— Нѣтъ, онъ больше не придетъ! —
раздался глухой страшный голосъ позади ихъ.

Егоръ Урванъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ: онъ узналъ голосъ отца.

— Отецъ! — едва могъ онъ вскрикнуть и нѣсколько отшатнулся назадъ.

— Собака! Гадина! Предатель! И ты еще смѣешь называть меня отцомъ! — дико вскричалъ Грицко.

Сабля сверкнула надъ головою Урвана, но онъ ловко сдѣлалъ отпоръ.

— Нѣтъ собака, не стоишь ты той сабли, которую носить честный казакъ, я не обогрю твоею поганою кровью саблю, которая перешла ко мнѣ изъ честнаго рода казаковъ, Урвана. Я задушю тебя, какъ собаку, — и Грицко бросился, какъ дикій звѣрь, на своего сына.

Егоръ схватилъ руки отца и такъ сжалъ ихъ, что было слышно, какъ кости хрустѣли въ рукахъ старика, но велика была въ эту минуту сила у разъяреннаго Грицки, онъ ловко освободился и, выхва-

тя свой широкій ножъ, вонзилъ его по самую рукоятку въ горло Егора. Алая кровь оросила землю, и какъ снопъ подкошенный упалъ несчастный.

Маруся дико вскрикнула, порывисто выдернула ножъ, торчавшій въ горлѣ когда-то дорогого ей человѣка.

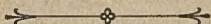
— Боже! я все еще люблю его!—дико вырвалось изъ ея груди, и тотъ же самый ножъ, отъ котораго палъ Егоръ, пронзилъ ея бѣлую грудь; она упала на теплый трупъ любимаго человѣка.

— Собакъ собачья и смерти!—сказалъ Грицко, оттолкнувъ ногой съ презрѣніемъ трупъ сына. Лицо Грицки было страшно; онъ еще разъ взглянулъ на искаженное страданіемъ лицо своего сына и быстро пошелъ прочь.

Товарищество И. Д. СЫТИНА, въ Москвѣ.

КНИЖНЫЯ ТОРГОВЛИ:

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Нижегородской
ярмаркѣ.

ЦѢНА
Руб.

Страшное гаданіе. Два вечера на бивакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 году. Соч. А. Марлинскаго (А. А. Бестужева). М. 1891 г.	20
Иванъ Сусанинъ, или смерть за царя. Историческій романъ. Сочин. М. Дмитревскаго. М. 1888 г.	20
Параша Сибирячка. Романъ въ 4-хъ част. изъ временъ Екате- рины Великой. М. 1888 г.	20
Царская невѣста Марья Хлопова. Историческая повѣсть. Соч. Н. Дементьевой. М. 1890 г.	20
Хижина дяди Тома. Бичеръ-Стоу. Съ 8-ю рисунками. М. 1890 г.	15
Полное собраніе басенъ и сказокъ И. И. Хемницера, съ портретомъ автора. М. 1891 г.	20
Абдаллахъ, или Трилистникъ о четырехъ листк. Арабск. сказ- ка Лябулѣ. Пер. М. А. Бекетовой. М. 1889 г.	20
Вояринъ Бучка, или основаніе Москвы. Историч. повѣсть. М. 1890 г.	20
Капитанская дочка. А. С. Пушкина. М. 1890 г.	20
Мореходъ Никитинъ. Романъ и Ольга. Замокъ Эйзенъ. Соч. А. Марлинскаго (А. А. Бестужева). М. 1891 г.	20
Лейтенантъ Бѣлозоровъ. Соч. А. Марлинскаго (А. А. Бесту- жева). М. 1891 г.	20
Робинзонъ Крузо и его приключенія. Повѣсть. М. 1890 г. . .	15
Громобой, витязь повгородскій, и семь морскихъ красавицъ. Старинное пред. М. Евстигнѣева. М. 1890 г.	15
Атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ, покоритель Сибирскаго цар- ства. Составилъ Н. Полушинъ. М. 1890 г.	15
Сказки, басни и апологи И. И. Дмитріева, съ портр. авт. М. 1891 г.	10
Анекдоты, шутки и выходки Балакирева, придворнаго шута Петра Великаго. Въ 2 част. М. 1891 г.	10
Жизнь за царя костромскаго крестьянина Ивана Сусанина, или русскіе люди въ 1612 г. Повѣсть, составленная по историче- скимъ даннымъ и драмѣ «Борисъ Годуновъ» Пушкина. М. 1890 г.	10
Русскія народныя былины. Составлено В. и Л. Р—нъ. М. 1891 г.	10

Товарищество И. Д. СЫТИНА, въ Москвѣ.

КОМИССИОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ.

1. Книжный магазинъ на Никольской, въ зданіи „Славянскаго Базара“.

КНИЖНЫЯ И КАРТИННЫЯ ТОРГОВЛИ:

2. Въ Москвѣ: { у Ильинскихъ воротъ, д. Титова
3. { и на Никольской ул., д. гр. Орлова-Давыдова.
4. Въ С.-Петербургѣ: Большая Садовая, № 25.
5. Въ Кіевѣ: Подоль, Гостиный дворъ.
6. Въ Варшавѣ: Краковское Предмѣстье, д. № 1.
7. Въ Нижегородской ярмаркѣ: на Шоссе.

.....

ПАРОВАЯ ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ и ПЕРЕПЛЕТНАЯ,
въ Москвѣ, Валовая улица, свой домъ.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

„Всеобщій Русскій календаръ“ съ преміей	Цѣна 20 коп.
„ „ „ безъ преміи	„ 15 и 10 к.
„Общепользныи календаръ“	„ 30 коп.
„Кіевскій календаръ“	„ 20 „
„Русскій сельскій календаръ“	„ 20 „
„Отрывной календаръ“, большой форматъ	„ 40 „
„ „ малый форматъ	„ 30 „

ВЪ ОГРОМНОМЪ РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ:

КНИГИ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЙ,
ДѢТСКІЯ КНИГИ, НАРОДНЫЯ КНИГИ и КАРТИНЫ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

50 еженедѣльных №№ въ годъ, 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ приложений и для желающихъ, съ приплатой 1 р., РОСКОШНАЯ ПРЕМІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 4 р. въ годъ, 2 р. 50 к. на $\frac{1}{2}$ года съ пересылкой и доставкой. Допускается разсрочка: по 1 р. въ 3 мѣс.

Новые подписчики получаютъ журналъ съ 1 №.

Адресъ редакціи «Вокругъ Свѣта»: Москва, Валовая ул., домъ Т-ва Сытина.